

МИНОБРНАУКИ

АСТРАХАНСКИЙ ФИЛИАЛ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«УНИВЕРСИТЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ»

КАФЕДРА ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ПЕРЕВОД – КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

I Международная научно-практическая конференция

27 апреля 2012 г.

Издательский дом:

2012

УДК 80
ББК 81.00
П 428

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом

Университета Российской Академии Образования

Рецензенты: Л.И. Балашова канд. фил. наук, доцент ФБГОУ ВПО
«Астраханский государственный университет»,

О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент АФ ФБГОУ ВПО
«Российская академия народного хозяйства и государственной при
Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия:

Е.В. Чудакова (гл. редактор), О.Б. Багринцева (зам. гл. редактора),

А.Д. Климентьева

П 428 **Перевод – как диалог культур** [Текст]: I международная научно-практическая конференция. 16 января 2012 г., г. Астрахань / сост. А.Д. Климентьева. – Астрахань: Издательский дом: , 2012. - 45 с.

В сборник включены материалы I международной научно-практической конференции «Перевод - как диалог культур», посвященной изучению наиболее актуальных и значимых проблем переводческой деятельности: в процессе перевода происходит диалог не только между двумя языками, но и между двумя культурами, участвующими в этом акте, поэтому перевод следует считать как межъязыковой, так и межкультурной коммуникацией.

Материалы сборника могут быть интересны как лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам, а также практикующим переводчикам.

© Климентьева А. Д., составление, 2012
© Издательский дом
© Коллектив авторов

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСУМ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ЖЕНСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ПАТРИАРХАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л. Б. Белоглазова
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия

В лингвокультурологии под универсумом понимаются универсальные закономерности, которые выявляются при каждом единичном проявлении текста. Текст не является застывшей сущностью. Как писал Бахтин, текст является «диалогом между автором, читателем и культурным контекстом» (Бахтин, 1975).

В.М. Шаклеин пишет, что лингвокультурный универсум представляет собой «реальность, в пределах которой человек создает различные картины мира: этническую, речевую, текстовую. На основании лингвокультурного универсума-реальности строятся определенно направленные парадигмы мышления, выход за рамки которых для этнически обусловленного сознания становится невозможным» (Шаклеин, 1997, 11).

«Понятие лингвокультурного универсума-реальности становится тождественным объединению взаимообусловленных понятий языка и культуры во всем их структурном многообразии» (Шаклеин, 1997, 11).

В России идет объединенная ломка устоев патриархальной семьи. В словаре синонимов русского языка А.П. Евгеньевой (2001) семантика слова **семья** частично эквивалентна слову **дом**, т.е. они находятся в отношениях частичной синонимии с функцией уточнения. На примере пьес А. Толстого, А. Чехова мы видим предикативные универсалии, которые дают представление об идеале семейных отношений:

Из речи Кабановой («Гроза»)

... я тебе **приказывала** ...

... со свету **сживает** ...

... ты могла бы и помолчать ... (к Катерине)

... в ноги **кланяйся!**

... **заела** совсем...

На примере драмы в 4-х действиях «Бесприданница» четко прослеживается семантика слова **семья** частично эквивалентна слову **дом**, т.е. они находятся в отношениях частичной синонимии.

Вожеватов «Квартиру свою вздумал отделявать, - вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает: надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!»

Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые».

В первой половине XIX века для определения семейных отношений предикативными лингвокультурными универсалиями становятся глаголы с семантическим значением внешнего проявления отношений:

1. Глаголы с семантическим значением принуждения (*пригрозить, приказывать*).

Кланяться – глагол внешнего проявления отношения, входящий в семантическое поле, ядром которого является глагол *проявлять (проявить)*; действие, которое носит характер приказа.

О том, что происходит в семье у Катерины, начинает оформляться тогда, когда впервые в ответ на язвительные придирки свекрови, на обвинение Катерины в лицемерии, Катерина миролюбиво отвечает:

«Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю. Да хоть и к слову, за что ты меня обижаешь?»

Катерина изо всех старается противостоять семейному рабству. Наблюдается противопоставление между идеальным представлением Катерины о семье и реальностью в семье. Лингвокультурная универсалия *семья* встречается в тексте пьесы один раз:

Кабанов «Слышал, братец, дела-то наши? Все, братец, семья в расстройство пришла».

Кулигин «Слышал, слышал, сударь».

В основном говорят *домашние по дому*, и всё соотносится со словом *семья*.

Феклуша «Еще больше щедрот приумножится, а особенно дому [*чит. семье*] Кабановых».

Кабанова «Какой же это порядок-то [*чит. семье*] Кабановых».

Слова Катерины вносят метафорическое значение универсалии *дом*.

«Сделается мне так душно, так душно дома, что бежали бы».

Существование универсалии *дом*, показывает, что оно имеет более абстрактный характер, с такими понятиями как *мечта, жизнь, летать* и с другой стороны, с такими понятиями как *неволя, смерть, грех*. И все-таки Катерина пытается сохранить дом, как защитника от грозы и от себя:

«Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Нет, домой, домой! Бог с ним!

Да все-таки лучше, все спокойнее: дома-то я к образам да богу молиться!»

Что происходит в семье Огудаловых видно из слов Ларисы:

Лариса «Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел».

Лариса «Бежала б я отсюда, куда глаза глядят.

Не искушай меня без нужды.

Возвратом нежности твоей!

Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям».

Лариса старается бороться со своей судьбой.

Лариса «Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда».

Лариса (в деревне Заболотье) «Но пусть там и дико, и глупо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем».

Безысходность Ларисы чувствуется, когда она поёт:

«Матушка, голубушка, солнышко моё,
Пожалей, родимая, дитяtko твоё!»

Любые перемены несут с собой только порчу и беспорядок. Она уверена, что правильный семейный порядок должен держаться на повиновении, страхе.

Огудалова (мать Ларисы): «Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтоб потом пожить по-человечески».

Лариса «Нет, не могу; тяжело невыносимо тяжело».

Огудалова «А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем».

Лариса «Опять притворяться, опять мать!»

Огудалова «И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от всего бегаешь».

Домострой – свод правил общественного, религиозного и бытового поведения – был создан протоколом Сильвестром, сподвижником Ивана Грозного, в котором обобщаются традиции патриархального семейного быта в эпоху средневековой Руси. Домостроевские порядки приписывают семье, сельской общине, но это глубочайшее заблуждение. **Домострой** и народно-крестьянская культура – во многом противоположны. Наблюдается исторический конфликт сельской общины с централизующей силой государства с великокняжеским двором и городом.

Муж – кормилец, муж защитник, муж – опора.

«Жена мужем красна», «Муж жене отец, жена мужу венец», «Муж – голова, жена – душа», «Муж в дому, что глава на церкви», «Что будет, то будет, а что будет, то бог даст», «Суженого конем не объедешь» – пословицы русского народа – идеальная модель гендерной реализованности женственности в семье.

Словарь Даля (СЖВЯ, 356):

Мужь – человек рода онъ, въ полных годахъ, возмужалый; возрастной человек мужского пола // Относительно к женщине, жене: супругъ, народн. хозяинъ, образующий с женой чету.

Чета – двоица, пара, дружка, ровня или союзный другъ другу // равнять, уподоблять, ставить за одно.

Словарь синонимов (239):

Муж – мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке, супруг (уважит.), благоверный (разг.-шутл.); половина (обих.-разг.), хозяин (прост.).

В «Песне про царя Ивана Васильевича...» М. Лермонтов изображает купеческую семью в ту пору, когда патриархальный семейный быт достиг расцвета. И в «Грозе» А. Островского, и «Песне ...» М. Лермонтова есть очень близкие по смыслу строчки:

«Как запру я тебя на железный замок» – так говорит Калашников своей жене Алене Дмитриевне.

Так же грозят Катерине из «Грозы»:

«Как запрут на замок, – вот смерть!»

Историческое время между семьей Кабановых – три века и внешнее сходство помогает понять разницу в правах семей. В словах Алены Дмитриевны верность, но не приниженность, твердая надежда, что муж поймет жену и защитит. Степан Парамонович принял решение погибнуть, но отстаивать честь семьи.

И Тихон Кабанов, который не муж – хотя юридически и муж. Он не защитник, не герой, он подчиняется своей матушке.

Значительную роль в судьбе Ларисы Огудаловой («Бесприданница» - Островский А.Н.) – играют два человека: Сергей Сергеевич Паратов и Юлий Капитоныч Карандышев. Они соперники в любви Ларисы, и ситуация возникает несколько несуразная: Паратова Лариса любит и продолжает любить, а за Карандышева согласилась выйти замуж. Взаимного счастья с Паратовым у нее не получилось: он «месяца два поездил, женихов всех отбил», а затем внезапно уехал.

Паратов «Ведь я было чуть не женился на Ларисе, - вот бы людей насмешил! Да, разыграл было дурака».

Карандышев «года три» вертелся в доме Огудаловых и дождался ! наконец своего часа: устав от унижительного положения бесприданницы, после скандала с арестом «жениха» прямо в доме Хариты Игнатьевны, Лариса согласилась выйти замуж за первого, кто посватается.

Карандышев (будущий муж) «Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! ... дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения ... Я много очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться».

Карандышев «Только венчаться – непременно здесь; чтобы не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий».

Лариса «Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитонович, вот это правда».

Паратов и Карандышев ранее встречались в доме Огудаловых, но Паратов не обращал на Юлия Капитоныча никакого внимания, а Карандышев всегда ревновал Ларису и долго еще допрашивает девушку, чем же лучше Сергей Сергеевич. Приезд Паратова он воспринимает раздраженно: «Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек...». Паратов же даже не интересуется, за кого Лариса выходит замуж. Оба героя чувствуют себя соперниками, и между ними начинается негласная борьба. Паратов дразнит Карандышева, «надеясь», что тот не ревнив, удивляется предполагаемому отъезду молодых «от прекрасных здешних мест». Раздувает ссору из-за пустяка: «обижается» на обвинение Карандышева в грубости и невежестве бурлаков, к которым, как судохозяин, причисляет и себя. Он требует от Карандышева извинений, и главная цель его – унижить жениха в глазах Ларисы. «Я только проучу его, – говорит он ей. – У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут».

В этих словах явственно звучит пренебрежение к «маленькому человеку», и только просьбы Хариты Игнатьевны на время приглушают конфликт. Паратов откровенно грубит («Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте»), угрожает.

Паратов «У всякого свой вкус: один любит арбуз, другой свиной хрящик.

На вкус, на цвет образца нет.

Я еду-еду, не свищу, а наеду – не спущу».

Он всячески провоцирует конфликт, холодно принимая приглашение на званый обед, но не успокоившись. В дальнейшем он решает потешиться над женихом, унизив в его глазах Ларисы и доказав ей, как он полагает, все превосходство. Но последующие события подтверждают, что изначально обозначенные в сцене знакомства черты характера обоих героев – тщеславие, себялюбие, равнодушие к чувствам Ларисы.

Лариса «Самолюбие! Вы только о себе. Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь. Доведете вы меня до гибели!»

Вожеватов (о Карандышеве – будущий муж Ларисы): «Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именишко, пока разговоры утихнут, – так и Огудаловым хотелось, – а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется – едва кивает: тон какой взял: прежде и не слышать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров «Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать».

Еще одна универсалия – это *любовь*. Тихон понимает *любовь как кандалы на ногах*, которые убивают любовь Катерины. Катерина не может кланяться мужу, ей хочется кинуться ему на шею, целовать его, душа ее чиста, она не терпит полумер – любить так любить, а если муж отказался,

значит все – нет любви. Любовь – жалость-совесть – такова наполненность лексико-семантического поля любовь к мужу. Катерина пытается переломить себя, остаться верной мужу, но не может.

«О чем не задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак».

Катерина остается верна сама себе, терпеть пока терпится, а дальше...

«А уж коли очень здесь опостылеет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так и не стану, хоть ты меня режь!»

Из драмы А.Н. Островского «Бесприданница» - что ждет Ларису при нелюбимом муже? Жалость? Сострадание? Так и то только к себе.

Кнуров «Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не растрачивайте, не кокетничайте! А счета пришлите ко мне, я заплачу».

Кнуров «Она создана для блеску» (О Ларисе).

Кнуров «Ну а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?»

Кнуров «Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится, – чахотка».

Кнуров «В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опозлится».

Вожеватов «А я так думаю, что бросит его скорехонько. Теперь еще она как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он...»

Кнуров «Бедная девушка! Как она страдает, на него глядя, я думаю».

Не нужно забывать, что любовь – это еще и иррациональное чувство, которое не поддается влиянию разума. Поэтому и не может справиться с этим чувством Катерина: любовь – страсть к Борису – сильнее ее духовных переживаний. Усиливают элемент любви как иррациональное чувство «активные» эмоциональные глаголы, такие как *мерещится, представляется, сделается...*

Катерина пытается найти выход, пытается заглушить боль работой. И еще одна лингвокультурная универсалия культурно-тематического поля «русская женщина» является *женские работы*.

Женские работы представлены в пьесе неявно. Они служат для усиления и наполнения другого культурно-тематического поля: «воля – неволя». Они служат для усиления контрастности восприятия житья в доме мужа и житья в доме у матушки в доме.

«Я начну работу какую-нибудь по обещанию... куплю холста, да и буду шить семье, а потом задам бедным...»

Элемент -нибудь подчеркивает выражение безразличности, несущественности для говорящего возможности будущего события или действия. Разумеется, мы имеем дело с частным случаем проявления, потому что отношение к женским работам были отражены в пословицах и поговорках русского народа:

«Муж в бане, а жена в амбаре», «Жена мелет, а муж спит», «Жена прядет, а муж пляшет», «Не наряд жену красит – домостройство» - многие пословицы и поговорки отражали тяжесть женских работ.

Дети. Эта лингвокультурная универсалия входит в культурно-тематическое поле *любовь*, но отражает представление о любви как о чем-то недостижимом, идеальном, возвышенном, ангельском.

Любовь – греза – мечта – с одной стороны, а с другой, любовь – спасение – прощение. Отсутствие детей – это еще одна причина крушения патриархального брака Тихона и Катерины.

«Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это».

Лексема *ангел* встречается в пьесе 3 раза.

«Вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют».

«Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это».

Борис «Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то будто светится».

Данное употребление переводит представление о Катерине как о чистой натуре в область языка. Выстраиваемая парадигма...

Ангелы – то, что Катерина видит во сне.

Ангельская – характеристика, которую она получает от Бориса.

Репрезентирует представления автора о героине : *ангел она, не место ей в этом мире.*

Дом, домашний уют

Дом –

- 1) строение для жилья;
- 2) семейство, семья, хозяйка с домочадцами;
- 3) род, поколение;
- 4) домовина – гроб.

Держать дом – хозяйство, распорядок.

В пьесе отсутствуют ремарки, описывающие дом Кабановых. С одной стороны, это значит, что Кабановых такой же, как и многие другие, то есть подчеркивается типичность семьи. Но с другой – можно предположить, что комнаты пусты, а если дом символизирует души своих владельцев, то и души Кабанихи и Тихона пусты. Лишь немного описывается дом Кабановых в III действии, сцена 1.

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка.

Лингвокультурная универсалия *дом*, являясь репрезентантом ситуации, приобретает семантику худших проявлений, свойственных дому. Он постепенно обрастает лингвокультурными деталями, которые служат актуализаторами, выполняя роль символических обозначений и несущие культурно-характерологическую функцию:

Борис «Праздник! Что дома-то делать». (Дом – не праздник, дом – повседневность.)

Катерина «Так душно, так душно *дома*».

Катерина «Я убегу из дому, я уж не пойду *домой* ни за что на свете».

Варвара «Да уж коли чему быть, так и дома не спрячешься». (Дом перестает быть крепостью, родным очагом).

Варвара «У нас ведь дом на том [на обмане] держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало». (Дом становится синонимом вранья, искусственности отношений).

Катерина «Ну, теперь тишина у вас в доме воцарится. Ах, какая скука!»

Катерина «От нее [свекрови] мне и дом-то опостылел: стены-то даже противны».

Кулигин «Из трактира домой плетется». (Еле идет домой, ноги не ведут).

Катерина «Я, бросивши дом, ночью иду к тебе». (Высшая степень решимости любви – покинуть дом мужа ради любимого человека).

Катерина «Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу! Что в могилу! В могиле лучше!» (Кульминационное воплощение ЛК-детали: *дом – могила*).

При рассмотрении данных ЛК-деталей новыми оттенками обрастает и символическое значение ключа, который Катерине дает Варвара. Это не ключ от дома родного, а наоборот – ключ от темницы, который открывает ее. Неслучайно это ключ не собственно от дома, а от калитки, ключ, с помощью которого можно выйти из душного, постылого дома, где все как будто из-под неволи, в сад, к реке, где свежесть и просторы Волги, свобода, воля и любимый человек.

Можно предположить, что лингвокультурная универсалия *дом* становится опорной, так как главой дома считается Кабанова, а не Тихон; Катерина зависима еще и потому, что у нее нет хозяйственной самостоятельности, в доме она не занимается ведением хозяйства: все решает Кабаниха, и это еще одна причина крушения брака Тихона и Катерины.

Таким образом, можно сделать вывод, что для лингвокультурного универсума женщины на уровне тематической группы «Человек» основными становятся лингвокультурные универсалии *семья* и *взаимоотношения с другими людьми*. Очень важным представляется рассмотрение тематической группы «Религия», которая органично слита и плотно взаимодействует со следующей тематической группой «Природа».

Лингвокультурная универсалия *религия* в тексте пьесы репликой Катерины:

«И до смерти я любила в церковь ходить!»

В мироощущении Катерины гармонически срастается славянская языческая древность, уходящая корнями в доисторические времена с демократическими веяниями христианской культуры. Религиозность Катерины вбирает в себя солнечные восходы и закаты, росистые травы на цветущих лугах, полеты птиц, порхание бабочек с цветка на цветок. С нею заодно и красота сельского храма и ширь Волги, и заволжский луговой простор. А как молится героиня, *какая у нее на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится*.

Не сродни ли она «солнечнозрачной» Екатерине из чтимых народом жизнеописания святых: «И такое сияние исходило от лица, что невозможно было смотреть на нее».

Излучающая духовный свет земная героиня Островского далека от сурового аскетизма домостроевской морали. По правилам «Домостроя» на молитве церковной надлежало с неослабным вниманием слушать божественное пение, а очи дому «пляти». Катерина же устремляет свои очи горе. И что видит, что слышит она на молитве церковной? Это ангельские хоры в столпе солнечного света, льющегося из купола, это церковное пение, подхваченное пением птиц, эту одухотворенность земных стихий – стихиями небесными...

«Точно бывало, я и в рай войду, и не увижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится».

А ведь «Домострой» учил молиться «со страхом и трепетом, с вздыханием и слезами». Далека жизнелюбивая религиозность Катерины от суровых предписаний домостроевской морали. Радость жизни переживает Катерина в храме. Солнцу кладет она земные поклоны в своем саду, среди деревьев, трав, цветов, утренней свежести просыпающейся природы.

«Или рано утром в сад уйду, еще только солнышно восходит, упаду на колена молюсь и плачу...»

В трудную минуту жизни Катерина посетует:

«Кабы я маленькая умерла, лучше было бы. Глядела бы с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру как бабочка».

«Отчего люди не летают! Я говорю: отчего люди не летают так как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, как тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела...!»

Как понять эти фантастические желания Катерины? Что это, плод болезненного воображения, каприз утонченной натуры? Нет. В сознании Катерины оживают древние языческие мифы, шевелятся глубинные пласты славянской культуры. В народных песнях тоскующая по чужой стороне в нелюбимой семье женщина часто оборачивается кукушкой, прилетает в сад к любимой матушке, жалобится ей на лихую долю.

Вспомним плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» «Полечу я кукушкой по Дунаю...»

Катерина молится утреннему солнцу, так как славяне считали Восток страной всемогущих плодоносных сил. Еще до прихода на Русь христианства они представляли рай чудесным неувядаемым садом, садом во владениях Бога света. Туда, на Восток, улетали все праведные души, обращаясь после смерти в бабочек или легкокрылых птиц. В Ярославской губернии до недавних пор крестьяне называли мотылька «душичка». А в Херсонской утверждали, что если не будет роздана заупокойная милостыня, то душа умершего явится к своим родным в виде ночной бабочки. Из языческой мифологии эти верования перешли в христианскую.

В жизнеописании святой Марфы, например, героине снится сон, в котором, она окрыленная, улетает в синеву поднебесную. Вольнолюбивые порывы Катерины даже в детских ее воспоминаниях не стихийны:

«Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я побежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега». Этот поступок Катерины согласуется с народной ее душой. В русских сказках девочка обращается к речке с просьбой спасти ее от злых преследователей. И речка укрывает ее в своих берегах.

Издревле славяне поклонялись рекам, верили, что все они текут в конец света белого, туда, где солнце из моря поднимается – в страну правды и добра. Вдоль по Волге, в долбленной лодочке пускали костромичи солнечного бога Ярилу, провожали в обетованную страну теплых вод. Бросали стружки от гроба в проточную воду. Пускали по реке вышедшие из употребления иконы. Так что поры маленькой Катерины искать защиты у Волги – это уход от неправды и зла в страну света и добра, это неприятие «напраслины» с раннего детства и готовность оставить мир, если все в нем ей «опостылет». Реки, леса, травы, цветы, птицы, животные, деревья, люди в народном сознании Катерины – органы живого одухотворенного существа, Господа Вселенной, соболезнающего о грехах людских. Ощущение божественных сил неотделимо у Катерины от сил природы.

В народной «Голубиной книге»:

«Солнце красное – от лица Божьего,
Звезды частые – от риз Божьих,
Ноги темные – от дум Господних,
Зори утренние – от очей Господних,
Ветры буйные – от Святого Духа».

Вот и молится Катерина заре утренней, солнцу красному, видя в них и очи Божии. А в минуту отчаяния обращается к «ветрам буйным», чтобы донесли они до любимого ее грусть-печаль. С точки зрения народной мифологии вся природа обретала эстетически высокий и этически активный смысл. Человек ощущал себя сыном одушевленной природы – целостного и единого существа. Народ верил, что добрый человек может упрощать силы природы, а злой навлекать на себя их немилость и гнев. Почитаемые народом праведники могли, например, вернуть в берега, разбушевавшиеся при наводнении реки, укрощать диких зверей, повелевать громами. Не почувствовав первозданной свежести внутреннего мира Катерины, не поймешь жизненной силы и мощи ее характера, образной тайны народного языка.

«Какая я была резвая! – обращается Катерина к Варваре, но тут же, сникая, добавляет, – Я у вас завязала совсем».

Цветущая заодно с природой душа Катерины действительно увядает во враждебном ей мире Диких и Кабановых. Лингвокультурная универсалия *религия* соотносится со словом *гроза*.

Сумасшедшая барыня. «Все в огне гореть будете» – имея в виду геену огненную, но гроза без огня не бывает: это блеск молний. Гроза над городом развивает и усиливает все возможные линвокультурные универсалии пьесы: она собирается дважды, становясь все мощнее и величественнее.

Гроза разразилась в пятом, последнем действии. Но это уже не гроза в природе, а гроза духа. Катерина произносит свой монолог, когда она прощается не с жизнью, которая становится все более невозможной, а с любовью:

«Друг мой! Радость моя! Прощай!»

Природа, окружающая героев произведения А. Островского, выполняет различные функции:

фон, окружающий разворачивающееся действие;
выступает в качестве действующего лица.

Гроза не просто стихийное природное явление, а олицетворение мудрой судьбы, силы наказывающей и одновременно одаряющей.

Образ грозы вызывает целый ряд ассоциаций:

ассоциация с судьбой, наказывающей героиню за нарушение веками складывающейся традиции;

ассоциация с языческими и древнеславянскими представлениями о грозе (бог Перун). В русском языке сохранилось немало выражений, в которых сохраняется имя Перуна – *метать перуны* (гневаться, метать громы и молнии). Наши предки верили, что клятвopеступника их верховный бог тут же треснет Перуном.

Таким образом, в пьесе «Гроза» А. Островский создает типичный художественный концепт – концепт грозы. Слово *гроза* в пьесе выходит далеко за рамки своего словарного определения: природное явление, сопровождающееся громом и молниями. Данный концепт имеет ярко выраженную национальную специфику, т.к. он неразрывно связан с образом мыслей и чувствований, пьесой обычаев, поверий и привычек (Пушкин «О народности в литературе»), присущих русскому народу.

АССИМИЛИРОВАННЫЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА.

А.Д. Климентьева
АФ НОУ ВПО УРАО
г. Астрахань, Россия

Займствованиа иностранных слов — один из способов развития современного языка. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Займствованиа становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, государств.

Основной причиной займствования иноязычной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. Другие причины: необходимость выразить при помощи займствованного слова многозначные русские понятия, пополнить выразительные средства языка и т. д. Процесс займствования представляет собой один из важнейших способов пополнения лексического и фразеологического состава любого языка. Данный феномен в лингвистической науке изучается достаточно давно и понимается как переход элементов из одного языка в другой, являясь следствием длительных контактов между народами — носителями данных языков [4:132]. Согласно мнению большинства исследователей, займствования пронизывают совершенно различные слои языковой системы - от фонемного уровня до стилистического [5:67].

Сразу же следует отметить, что в понятия «займствование» и «займствованное слово» различными авторами вкладываются разные значения. Л. Блумфилд под займствованием понимает определенный вид языковых изменений и различает:

- 1) займствование понятий культуры;
- 2) внутреннее займствование, происходящее в результате непосредственных языковых контактов, обусловленных территориальной или политической близостью;
- 3) диалектные займствования, проникавшие в литературный язык из диалектов[2:157].

У. Вайнрайх рассматривает займствование как начальную форму интерференции языков в условиях билингвизма[3:85].

Е. Хауген указывает на двусмысленность и нечеткость термина «займствование», так как им может обозначаться как сам процесс займствования (в его начальной стадии), так и его результат. Поэтому Е. Хауген выделяет полное займствование и частичное воспроизведение, что позволяет учитывать не только лингвистические, но и историко-социальные факторы [7:56].

Данная точка зрения получает отражение в работах В.Я. Ярцевой. В.Н. Ярцева отмечает, что для займствованной терминологии (в области науки, техники и т.п.) типично полное воспроизведение чужого слова, с необходимой поправкой на его приспособление к фонетической и акцентной системе займствующего языка; что касается лексики бытовой (нейтрального стиля речи), то при ее вхождении в лексико-семантическую сферу займствующего языка столкновение с членами синонимических и словообразовательных рядов должно приводить к заметным изменениям в семантическом объеме займствованного элемента [6:204].

Раскрывая понятие заимствования с точки зрения его структурного состава, Л.П. Крысин считает целесообразным называть заимствованием «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой».

Под различными элементами понимаются единицы разных ярусов языка - фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики. В соответствии с этим необходимо ограничивать термин «заимствование» в тех случаях, когда речь идет о перемещении элементов одного уровня: например, «фразеологическое заимствование» [4:108].

Исходя из данного определения, Л.П. Крысин выделяет три типа иноязычных слов:

- 1) заимствованные слова и фразеологические единицы;
- 2) экзотическая лексика;
- 3) иноязычные вкрапления (там же).

Заимствованные единицы представляют собой факты языка: помимо того что они связаны с лексико-семантической системой языка, можно более или менее точно определить состав и число заимствованных слов, большая часть которых лексикографически зафиксирована. Появление в тексте заимствованного слова, т.е. слова, обладающего определенным лексическим значением, не тождественным значению исконного слова, вызывается необходимостью, вытекающей из коммуникативной функции языка [4:108].

Смена научной парадигмы со структурно-семантической на антропоцентрическую и уровень развития науки ставит перед исследователями новые задачи. Особенно актуальным вопросом современной лингвистики является ассимилирование заимствованных фразеологических единиц (далее ФЕ).

Ассимиляцией заимствованных слов называется их приспособление в фонетическом, грамматическом, семантическом и графическом отношении к системе принимающего их языка [1:52].

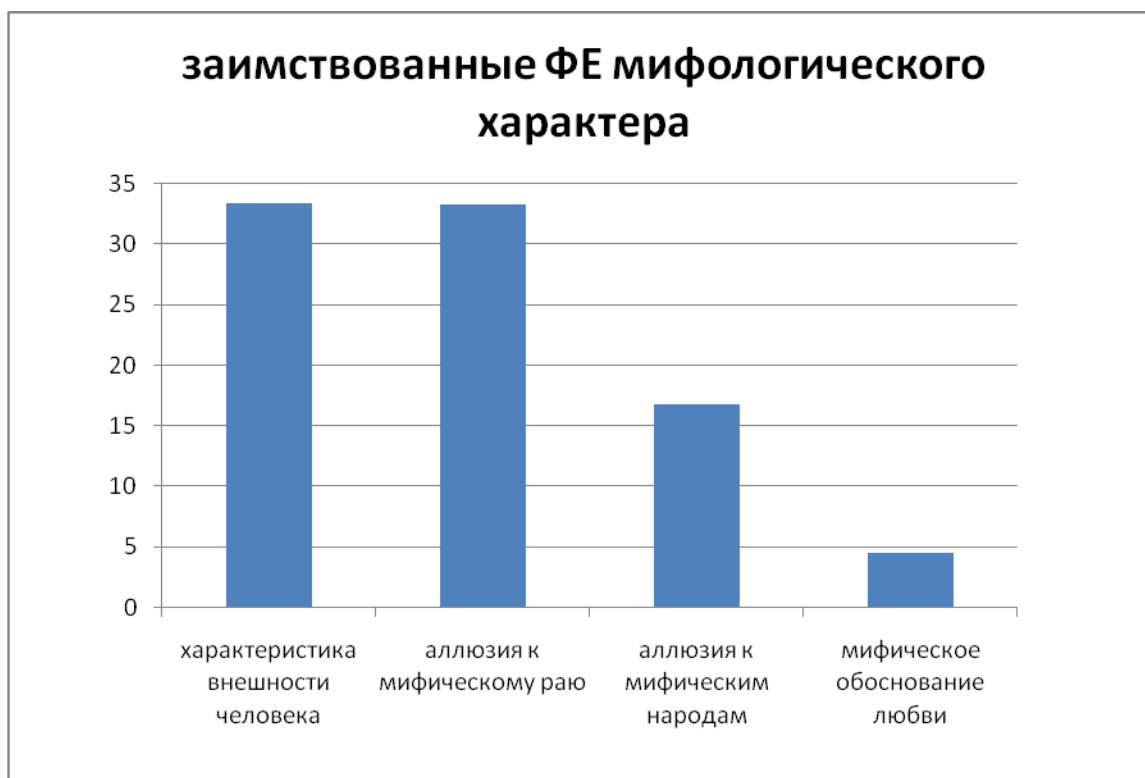
В ходе исследования заимствованных ФЕ методом сплошной выборки из наиболее авторитетных лексикографических источников нами было отобрано 60 ФЕ татарского языка, которые были отнесены к мифологизмам.

Отобранные заимствованные ФЕ были разделены на 4 семантические группы, которые представлены в процентном соотношении от общего числа отобранных заимствованных ФЕ:

- характеристика внешности человека – 33,3%;
- аллюзия к мифическому раю – 33, 2%;
- аллюзия к мифическим народам – 16,75%
- мифическое обоснование любви – 16,75%.

Результаты процентного распределения представлены на диаграмме № 1.

Диаграмма № 1 Заимствованные ФЕ мифологического характера.

Самую многочисленную семантическую подгруппу представляют ассимилированные заимствованные ФЕ, характеризующие внешность человека. Например, ФЕ *Пәри пәйкәри*. Данная единица была перенята из арабского языка и имеет семантическое значение «красивая, как пери». Пери, в восприятии татарского народа, это фея, прекрасный ангел. Аналогичное значение (периподобная, фееподобная красавица) имеет также ФЕ *Пәри рох*. Но во втором случае языком – донором стал персидский язык.

Таким образом, проанализировав подгруппу «характеристика внешности человека», можно сделать вывод о характере заимствованных ФЕ.

73% заимствованных ФЕ было перенято из арабского языка, и 27% - из персидского.

Следующая семантическая группа представлена заимствованными ФЕ, в рамках темы «аллюзия к мифическому раю». Например, ФЕ *сидрәтәлментәһа*. Семантическое значение данной ФЕ «мифологическое название места, якобы имеющегося на седьмом небе». Языком – источником стал арабский язык.

Также в ходе сплошной выборки по данным лексикографических источников было выявлено, что среди заимствованных ФЕ присутствуют единицы, получившие в татарском языке идентичное значение, но перешедшие из разных языков. Примером описываемого языкового явления служат такие заимствованные ФЕ как *Сәбгы сәмәват*. Семантическое значение данной ФЕ такое же – седьмое небо. Однако, языком – донором в этом случае стал турецкий язык.

Таким образом, проанализировав семантическую подгруппу «аллюзия к мифическому раю», можно сделать вывод о характере заимствований ФЕ. В данной подгруппе присутствуют ФЕ, заимствованные из арабского языка (63%) и из турецкого языка (37%).

Следующие две семантические подгруппы, «аллюзия к мифическим народам» и «мифическое обоснование любви», представляют собой заимствования исключительно из арабского языка. Например, ФЕ *Хэббелһирати минналиман*, буквальное значение которой «любовь к кошке исходит от веры» (семантическая подгруппа мифологического обоснования любви) или ФЕ *Яжүжү вә мәэжүжү*, значение которой соответствует *Гог и Магог (два мифических народа, нашествие которых потрясет мир, незадолго до пришествия Мессии)* из подгруппы «аллюзия к мифическим народам».

Таким образом, в ходе анализа было выявлено, что 72% заимствованных ФЕ, относящихся к группе «мифологизмы», были переняты из арабского языка, 18% из турецкого и 10% из персидского языка.

Исходя из всего вышесказанного, итоги исследования заимствованных ФЕ методом сплошной выборки из наиболее авторитетных лексикографических источников отражены в таблице:

Язык Семан- тическая подгруппа	Арабский	Турецкий	Персидский
Характеристика внешности человека	+	-	+
Аллюзия к мифическому раю	+	+	-
Аллюзия к мифическим народам	+	-	-
Мифологическое обоснование любви	+	-	-

Проанализировав выбранные заимствованные ФЕ и разделив их по языкам-донорам представляется необходимым сделать вывод об общем процентном соотношении. Таким образом, арабский язык представлен 82,6% заимствованных ФЕ, относящихся к мифологизмам; турецкий язык – 11%; персидский язык – 8%.

Следовательно, лексический пласт заимствованных ФЕ, относящихся к мифологической группе представлен в большей степени арабскими заимствованиями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография.- М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 71с.
2. Блумфилд Л., Язык, пер. с англ. - М.: 1968. - гл. 25-27.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. - Киев, 1978. – 320с.
4. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. - М.: Наука, 1968.- 132с.
5. Линник, Т.Г. Проблемы языкового заимствования «Языковые ситуации и взаимодействия языков»- Киев, 1989.-67
6. Ярцева В.Н. История английского языка IX- XV вв. - М., 1985. - 248 с.
7. Haugen E. The ecology of language - Stanford, 1972. - XIYV, 366 p.
8. Байрамова Л.К. Учебный тематический русско-татарский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 1991.-3-161с.
9. Гаффарова Ф.Ф., Саберова Г.Г. Татарско-русский словарь идиом. Казань: Татарское книжное издательство, 2006.-3-232 с.
10. Наки Исанбет. Фразеологический словарь татарского языка в двух томах. Казань: Татарское книжное издательство, 1998.-3-988 с.
11. Хамзин К.З., Махмутов М.И., Сайфуллин Г.Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань: Татарское книжное издательство, 1995.- 3-793с.
12. Эхметьянов Р., Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке). Казань: Татарское книжное издательство, 2001.- 3-138 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. УЛИЦКОЙ

Л.Н. Козлова

ФГБОУ ВПО Брянский Государственный Технический Университет
г. Брянск, Россия

В Большом толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова термин «разговорный» определяется как «типичный, характерный для устных бесед, для обиходного общения, употребляемый в разговоре». Отсюда следует, что разговорная лексика – лексика, функционирующая в устной речи и обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение.

Задача данной статьи - выяснить, за счёт каких соответствий осуществляется перевод на немецкий язык лексики, чья разговорность обусловлена словообразовательно. Причём наиболее значимым представляется не только установить стилистическую окраску соответствий при переводе, но и выявить, достигается ли разговорная маркированность переводных эквивалентов за счёт аналогичных словообразовательных средств или нет.

Важно отметить, что система способов немецкого разговорного словообразования в принципе не отличается от системы способов словообразования немецкого языка в целом, однако характеризуется преимущественным использованием определённых словообразовательных типов, а также отбором в рамках словообразовательных моделей некоторых своеобразных средств [Девкин 1965: 222].

Учитывая наиболее продуктивные способы словопроизводства в разговорной сфере немецкого языка, рассмотрим выявленные методом сплошной выборки примеры, разговорность которых обусловлена словообразовательно, в сравнении с их переводными соответствиями.

1. Большинство разговорных существительных, обозначающих лиц женского пола по роду занятий и образованных за счёт стилистически маркированных суффиксов, переводится на немецкий язык с помощью соответствий со стилистически нейтральным суффиксом *-in*: *химичка* – *die Chemikerin*, *кассирша* – *die Kassiererin*, *инспекторша* – *die Inspektorin*, *почтальонша* – *die Postbotin*, *фельдшерлица* – *die Feldscherin*, *инструкторша* – *die Instrukturistin*. Важно также отметить, что суффикс *-in* является в современном немецком языке высокопродуктивным как в разговорной речи, так и в литературном языке.

2. Существительные, обозначающие лиц обоего пола и также образованные с помощью разговорно-маркированных суффиксов, переводятся следующими способами:

– за счёт нейтральных соответствий: *работяга* – *der Handwerker u der Mann*;

– за счёт стилистически маркированных эквивалентов, в состав которых нередко входят аффиксоиды: *толстяк* – *der Dickwanst*; *болтушка* – *die Plaudertasche u das Plappermaul*;

– описательным способом: *гордячка* – *die stolze Lena*, *толстуха* – *eine dicke Matrone, das dicke Weib*, *земляк* – *... der aus derselben Gegend stammte*, *бедняга* – *die arme Shanna* (о героине по имени Жанна).

3. Существительные с *работяга* – *der Handwerker* и *der Mann*; разговорно окрашенными словообразовательными элементами, обозначающие неодушевлённые предметы, процесс, действие и др., переводятся как с помощью разговорных соответствий: *враньё* – *die Schwindelei*, *беготня* – *die Rennerei*, *толчая* – *das Gewimmel*; так и при помощи стилистически нейтральных эквивалентов: *толкотня* – *das Gedränge*, *рыбина* – *der Fisch*, *уравниловка* – *die Gleichmacherei*, *пошлятина* – *der Kitsch*.

4. Большинство универбатов переводится на немецкий язык за счёт соответствий, которые образованы путём словосложения.

– основа глагола + существительное: *жвачка* – *der Kaugummi* (*kauen* + *der Gummi*), *сгущёнка* – *die gezuckerte Kondensmilch* (*kondensieren* + *die Milch*), *раскладушка* – *das Klappbett* (*klappen* + *das Bett*), *промокашка* – *der Waschlappen* (*waschen* + *der Lappen*);

– другие словообразовательные модели: *поллитровка* – *die Halbliterflasche* (*halb* + *das Liter* + *die Flasche*), *десятилетка* – *die Zehnklassenschule* (*zehn* + *die Klasse* + *die Schule*), *безрукавка* – *die Fellweste* (*das Fell* + *die Weste* – «меховой жилет»).

Также нами были выявлены примеры, когда универбату соответствует эквивалент с одной основой: *ушанка* – *die Schapka* (примечательно использование в качестве переводного соответствия гиперонима «шапка»), *воздушка* – *die Leitung* (эл. проводка, провод, линия); или же описательная конструкция: *дыхалка* – *was zum Inhalieren*. В данном примере разговорная окрашенность сохраняется за счёт употребления разговорного варианта местоимения «*was*» (от нейтрального «*etwas*»).

5. Усечения и аббревиатурные образования, многие из которых представляют собой реалии жизни и быта в СССР, а также субстантивированные прилагательные переводятся большей частью за счёт эквивалентов, образованных по принципу словосложения и носящих описательный характер: *местком* – *die Gewerkschaftskomitee*, *партком* – *die Parteikomitee*, *чебуречная* – *die Imbissstube*, *ординаторская* – *das Dienstzimmer*, *бельевая* – *die Wäscherkammer*, *скорая* – *der Krankenwagen*, *участковый* – *der Ortspolizist*.

В качестве перевода аббревиатурных образований и усечений нередко используются одноосновные существительные: *завност* – *der Intendant* (директор, художественный руководитель), *технар* – *der Techniker* (техник, инженер).

Встречаются также примеры перевода усечений с помощью описательных конструкций: *гомосек* – ... *wirkt eher schwul...* (производит впечатление гомосексуалиста).

Случаи, когда субстантивированные прилагательные переводятся за счёт субстантивированного же образования, в исследуемых нами произведениях единичны и основаны, как правило, на межкультурных соответствиях: *чёрные* – *die Schwarzen* (об афроамериканцах).

6. Рассматривая глаголы разговорного характера со словообразовательно маркированными компонентами в сравнении с их переводными соответствиями, важно отметить аффиксоцентризм последних; причём наибольшим распространением отличаются соединения глагола с наречными элементами: *вылезать* – *rausgehen*, *покуривать* – *hin und wieder rauchen*, *примерить*, *прикинуть* – *erwog alles hin und her*, *потоптаться* – *herumstehen*, *торчать* – *rumhingen* («*rum*» – разговорный вариант от «*herum*»).

Однако большая часть разговорно маркированных глаголов в исследуемых нами произведениях переводится за счёт стилистически нейтральных эквивалентов: *колотить* – *verprügeln*, *подольститься* – *schmeicheln*, *хныкать* – *jammern*, *подвернуться* – *sich finden*, *допытываться* – *fragen*, *отплясывать* – *tanzen*.

Также в качестве переводных эквивалентов довольно часто используются синонимичные конструкции, устойчивые глагольно-именные

сочетания: *застопориться* – *in Stocken geraten*, *выкрутиться* – *aus der Patsche helfen*, *побаиваться* – *ein wenig Angst haben*, *нахальничать* – *sich (keinerlei) Frechheiten erlauben*, *набезобразничать* – *wild hausen*, *слыхать* – *vom Hörensagen kennen*.

Немецкие соответствия разговорного характера встречаются весьма редко, и их стилистическая окраска обусловлена в основном стилистически маркированной основой: *дразнить* – *hänseln*, *нацелиться на кого-либо* – *spekulieren*, *шмыгнуть носом* – *schiefen*, *верещать* – *quieken*.

7. Имена прилагательные, стилистическая окраска которых обусловлена наличием разговорно маркированных суффиксов, переводятся главным образом за счёт нейтральных эквивалентов: *простенький* – *leicht*, *щупленький* – *schmächtig*, *неказистый* – *unscheinbar*, *французистый* – *französisch*, *смекалистый* – *versiert*, *цветастый* – *bunt*.

Разговорные соответствия употребляются редко, среди них можно отметить прилагательные как с разговорно отмеченной основой: *чудаковатый* – *kauzig*, так и с аффиксоидами разговорного характера: *неказистый* – *stockhäßlich*.

Таким образом, приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что перевод лексики, разговорность которой обусловлена словообразовательными средствами, осуществляется за счёт различного рода соответствий как разговорного характера, так и нейтральных эквивалентов (что является даже более распространённым); довольно часто используются также описательные конструкции. При этом не представляется возможным говорить о каких-либо закономерностях при переводе русских разговорно маркированных эквивалентов аналогичными словообразовательными же средствами немецкого языка. Более правомерно выделение некоторых тенденций, например, большинство универбатов, усечений и субстантивированных прилагательных переводится на немецкий язык за счёт соответствий, которые образованы путём словосложения и носят разьяснительно-описательный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1965. – 319 с.
2. Немецко-русский (основной) словарь / авторы: К. Лейн, Д.Г. Мальцева, А.Н. Зуев и [др.]. – М.: Русский язык, 1993. – 1040 с.
3. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик. Роман / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2008. – 448с.
4. Улицкая Л. Медя и её дети: Роман / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2007. – 576 с.
5. Улицкая Л. Сонечка: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
6. Улицкая Л. Сквозная линия: Повесть. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2007. – 320 с.

7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка М., 2006.
8. Ulitzkaja L. Ein fröhliches Begräbnis / L. Ulitzkaja. BLT. – 206 S.
9. Ulitzkaja L. Die Lügen der Frauen / L. Ulitzkaja. dtv, 2006. – 168 S.
10. Ulitzkaja L. Medea und ihre Kinder / L. Ulitzkaja. BLT. – 344 S.
11. Ulitzkaja L. Ergebens, euer Schurik / L. Ulitzkaja. dtv, 2008. – 494 S.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В МАСКУЛИННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ ОБЕЩАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.М. Колоколова
НОУ ВПО Университет Российской Академии Образования
г.Астрахань, Россия

В классификации высказываний с позиции теории речевых актов [3] выделяется речевой акт обещания или промиссив. Обещание - данное кому-нибудь добровольное обязательство, заверение выполнить какое-либо действие в пользу адресата. В семантике промиссива всегда присутствуют два компонента: обязательство выполнить что-либо в интересах адресата или по его просьбе, т.е. принятие обязательства, и обещание позитивных последствий при выполнении взятого на себя обязательства.

Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. Социолингвистический подход выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, считает В. И. Карасик [2], можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа.

Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин. Поскольку все участники институционального общения являются представителями той или иной профессии, нам представляется возможным применить в качестве синонима слову «институциональный» слово «профессиональный» и далее использовать эти два термина как абсолютные синонимы.

Нейтральные признаки профессионального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся "на чужой территории", т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы - в медицинском, научной дискуссии - в педагогическом).

Слово как основная единица языка изучается в различных разделах языкознания. В зависимости от лексического значения, от характера морфологических признаков и синтаксической функции все слова языка делятся на определенные лексико-грамматические разряды, называемые частями речи, подразделяющиеся на самостоятельные и служебные. В особую группу слов выделяются модальные слова, междометия и звукоподражательные слова [1].

Модальные слова, как и служебные части речи, не обладают номинативной функцией. Они выражают оценку говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к объективной действительности (*безусловно, к сожалению* и др.). Кроме того, на уровне речевого акта обещания они могут выступать показателями искренности обещания и реального намерения исполнить данное обещание.

Поскольку в лингвистической литературе вопрос использования модальных слов в институциональном речевом акте в гендерном аспекте освещен слабо, нам представляется интересным рассмотреть его в сравнительно-сопоставительном плане (в трех разноструктурных языках: английском, немецком и русском). Используют ли мужчины в своей профессиональной деятельности обещания с этой лексикой? Если да, то с какой целью и насколько они частотны в речи представителей разных культур?

Для решения поставленных вопросов были проанализированы 300 мужских профессиональных промиссивов, по 100 примеров в каждом из исследуемых языков, которые приняты за 100% при количественном подсчете.

Как показало проведенное исследование, в английском языке в профессиональном дискурсе мужчины используют в своих речевых актах обещания следующие модальные слова: *certainly, unquestionable, unfortunately, of course not* и др. Например:

1) The second biggest bank president Alex Spence claimed: «I promise to pay them up to €1.9 million and it is *unquestionable*». [4]. - Президент второго по величине банка Алекс Спенс заявил: Я обещаю выплатить им до 1.9 миллионов евро, и это не подлежит обсуждению.

2) - You will have to do something about this. You cannot live it be. - *Of course not*. I have told the butcher to bring the car round here next week, and I shall start to fix it for him. [5] - Ты должен будешь что-то предпринять. Ты не можешь это так оставить. - Конечно нет. Я попросил мясника привезти автомобиль сюда на следующей неделе, и я начну его ремонтировать.

Количественный подсчет мужских промиссивов с модальными словами показал, что в английском языке таких обещаний 18%.

Наше исследование показало, что в немецком языке мужчины - представители различных профессий употребляют в промиссивных речевых актах такие модальные слова, как: *mindestens, allerdings, vielleicht, sogar, einfach, übrigens u др.* Например:

3) «Ich kann versprechen, dass das *mindestens* so witzig wird wie der erste Teil», sagt Til Schweiger (Schauspieler) in den Interview. [6] - «Я могу обещать, что это будет, по крайней мере, смешно, как в первой части», - говорит в интервью Тиль Швайгер (актер).

4) Karl Lagerfeld (Designer): «*Allerdings* kann ich Euch jetzt schon versprechen das es im ersten Halbjahr 2012 im Schnitt alle sechs Wochen eine FF im Komm geben wird». [7] - «Конечно (разумеется), я могу обещать вам уже сейчас, что в первой половине 2012 года все шесть недель в коммюнике будет представлен высший сорт».

5) Von der Leyen: «Ich verspreche euch für Dezember mehr Stylings, *vielleicht sogar* im Schnee, denn dieser Monat war ganz *einfach* zu rar». [8] - «В феврале я вам обещаю больше стильных решений, пожалуй, даже в снегу, который в этом месяце был совсем редко».

Количественный подсчет мужских промиссивов с модальными словами показал, что в немецком языке таких обещаний 25%.

Проведенное исследование выявило, что в русском языке мужчины разных профессий используют следующие модальные слова: *безусловно, конечно, к сожалению, однозначно* и др.

6) Евгений Плющенко (спортсмен): «*К сожалению*, в этом шоу я не смогу делать четверные прыжки. Но обещаю порадовать зрителей оригинальными дорожками, шагами». [9]

7) Андрей Осипов (политик): «Да, *конечно*, в случае победы КПРФ, сразу после 4 декабря всё не разрешится, и все изменения будут происходить постепенно, но они будут происходить!» [10]

8) Сергей Безруков (актер) «Что касается дальнейшего общения, в Интернете, то бишь в чате, постараюсь общаться регулярно. Два раза в месяц. Если будет большая занятость, *безусловно* меньше раз, но то, что общаться буду, — *однозначно*». [11]

Количественный подсчет мужских промиссивов с модальными словами показал, что в русском языке таких обещаний 18%.

Итак, в данной работе исследовались речевые акты обещания на предмет наличия в них модальных слов, как характерных показателей проявления эмоциональности мужской речи, искренности обещания и реального намерения исполнить данное обещание, отношения говорящего к объективной действительности в профессиональном (институциональном) дискурсе.

Результаты, проведенного исследования можно представить в следующей таблице:

Лексико-грамматический компонент	Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
Модальные слова	18%	25%	18%

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) независимо от национальной принадлежности, в институциональных промиссивах мужчины используют такой лексико-грамматический компонент как модальные слова;

2) модальные слова употребляются в профессиональной речи мужчин не слишком часто, примерно в пятой части своих речевых актов обещания;

3) национальная особенность институциональных промиссивов в трех изучаемых языках просматривается в более частотном употреблении модальных слов немецкими мужчинами, по сравнению с русскими и англичанами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э., Фомина, М.И. Современный русский язык: Учебник [Текст] / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп., Москва: Логос, 2002. - 528 с., С. 212. ISBN 5-94010-008-2
2. Карасик, В.И. О типах дискурса. - [Электронный ресурс]:
3. <http://www.ruslang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
4. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике - Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986. — 424 с., С. 170—194.
5. The Sunday Times, Published: 29 January 2012, Banking and Finance [Электронный ресурс]: <http://www.thesundaytimes.co.uk/tto/news/>
6. Alexandre McCall Smith. The Full Cupboard of Life. — London : Abacus, 2004. — 212 p.
7. <http://www.viviano.de/ak/News-Movie/til-schweiger-36513.shtml>
8. <http://frequenzfabrik.de/>
9. <http://de.paperblog.com/november-review-256051/>
10. <http://www.sovsport.ru/news/text-item/377643>
11. <http://vseverske.info/blogi/4599-h.html>
12. <http://sergeybezrukov.ru/communication/pogo>

НЕКОТОРЫЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАННЕАНГЛОСАКСОНСКИЙ ПЕРИОД

Е.А. Колядин

ФГБОУ ВПО Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
г.Нижний Новгород, Россия

Исследователь-лингвист, изучающий древний текст, рассматривает его в первую очередь как лингвистический материально закреплённый материал. Действительно, рассматривать такой текст как продукт речевой деятельности, произведённой коммуникантами в той или иной коммуникативной ситуации и, следовательно, как единицу дискурса, довольно затруднительно, поскольку учесть социальные и другие экстралингвистические характеристики коммуникативной ситуации, имевшей место много веков назад, невозможно (см. [Колядин 2012: 58 – 61]).

Часто в практике работы с древними текстами (перевод, анализ и т.п.) исследователю требуются дополнительные сведения об обстоятельствах, в которых функционировал тот или иной текст, а также об особенностях коммуникативных ситуаций, в которых он применялся. Сведения такого рода несомненно способствуют адекватному и корректному пониманию древнего текста, позволяют более полно проанализировать и раскрыть его содержание. Кроме того, анализ древних текстов способствует реконструкции экстралингвистических параметров социально-значимых коммуникативных ситуаций (бытовых, экономических, правовых и т.п.), а сведения, полученные в ходе анализа и интерпретации таких текстов, могут служить фактологическим материалом в исторических исследованиях различных социальных направлений.

Настоящая статья посвящена исследованию экстралингвистических параметров функционирования раннеанглосаксонских законодательных текстов V – IX вв. На основании информации, полученной в законах древнеанглийских королей, нами предпринята попытка реконструкции судебной процедуры в древних Кенте и Уэссексе, а также описания особенностей исполнительных функций государственной власти в этих древнеанглийских королевствах.

Реконструкция обозначенных коммуникативных ситуаций стала возможной благодаря анализу текстов правд кентских королей Этельберта, Хлотаря и Эдрика, Уитреда и уэссекских королей Ине и Альфреда.

Формы судебных процедур в древнеанглийских королевствах часто были очень сложны. Процедуры судебных заседаний были всегда жёсткими и неизменными, а ошибки на любой стадии судебных разбирательств могли

стать необратимыми: существовала жёсткая точность в соблюдении закона и его применимости в судебной процедуре [Laughlin 1905: 183].

Судебного расследования при помощи опроса потерпевших, свидетелей и подсудимых в современном понимании не существовало в англо-саксонский период [Pollock Maitland 2010: 33].

Обвинение, если таковое имелось, должно было произноситься перед судом, который, в свою очередь, должен был принять решение, действительно ли было совершено преступление и какое правовое действие требовалось для решения исхода дела [Laughlin 1905: 185].

Особое место в англосаксонской юридической технике, как замечает в своей работе С.В. Санников, занимала клятва (да. *ǣð*), то есть вербальная формула, произносимая при осуществлении процессуального действия, либо при вступлении субъекта в правоотношения, связанные с принятием определённых обязательств [Санников 2012: 2]. Клятвы приносились всеми свободными людьми в присутствии соприсяжников, а также чужестранцами, которым в Кенте дозволялось делать это по образцу своего народа. В Уэссексе чужеземцам (в данном случае – кентцам) не дозволялось приносить клятвы, т.к. считалось, что их клятвы ничего не стоят. Они должны были доказывать свою честность перед законом исключительно посредством ордалий, о чём говорится в договоре между уэльсцами и кентцами, т.н. да. *Dunsætas*), ср.:

Ne stent nan oðer lād æt tihtlan bute ordal betweox Wealan & Enzlan, bute man þafian wille. (Dusætas, цит. по: [Seebohm 1902: 4021]). – Не существует никакого другого очищения от обвинения кроме ордалии между уэльсцами и англичанами, если только кто разрешить захочет.

Ʒest hine clænsie sylfes aþe on wiofode; swylce cyninƷes þeƷn2 (W., 16). – Чужеземец себя пусть очистит своею [=принятой у него на родине] клятвою на алтаре; так же – короля тэн.

Принесённая клятва была обязательной к исполнению, а её нарушение рассматривалось не только как юридический, но и духовный проступок.

Æt ærestan we lærað, þæt mæst ðearf is, þæt æƷhwelc mon his að & his wed wærlice healed (Alf., 1). – Прежде всего мы учим, что более всего необходимым является, чтобы любой человек его клятву и его обет правдиво соблюдал.

¹ Перевод на русский язык мой.

² В статье принята следующая нумерация титулов законов древнеанглийских королей: титулы правд Этельберга (*Æth.*), Хлотаря и Эдрика (*H&E.*), Уитреда (*W.*) даны в соответствии с нумерацией, использованной в источнике: Oliver L. *The Beginnings of English Law.* - Toronto: University of Toronto Press, 2002. – 297 pp. – P. 52 – 53. Нумерация титулов сводов законов королей Инне и Альфреда приведены в соответствии с электронной версией манускрипта *The Parker Chronicle and Laws* (Corpus Christi College, Cambridge, MS. 173) под редакцией F. Robin и H. Smith (London, 1941), опубликованной на интернет-сайте Джорджтаунского университета (США, федеральный округ Колумбия): <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/prose/laws.html> [дата обращения: 12.12.2009; повторно проверено: 12.03.2012]. В тексте предисловия к сборнику законов королей Инне и Альфреда (Preface; Pref.) пронумеровано каждое предложение. Перевод всех текстов на русский язык мой.

Законы короля Уитреда также освобождают от принесения клятвы короля и епископа, а церковникам разрешают принести клятву у алтаря без привлечения соприсяжников [Seebohm 1902: 380, 408 – 414]:

Biscopes word cyninȝes sie unlæȝne buton aþe.<...> Preost hine clæn sie sylfæs soþe in his halȝum hræȝle æt foran wiofode þus cweþende «Veritatem dico in xro, non mentior» (W., 16, 18). – Епископа слово <и> короля есть безусловно без клятвы. <...> Священник себя очистит пусть в обличие в своём священном одеянии перед алтарём, так говоря: «Правду говорю во Христе, не лгу (лат.)».

О серьёзности нарушения клятвы также свидетельствует тот порядок, в котором рассматривались дела о нарушении клятвы, данной во имя Бога:

Ȝif hwa oðerne ȝodborȝes oncunne <...> aȝife þone foreað on feower ciricum, & se oðer, ȝif he hine treowan wille in .xii. ciricum do he ðæt (Alf., 30). – Если кто-то другого в <нарушении> клятвы, данной во имя Бога, обвиняет, <...> пусть произнесёт обвинительную клятву в четырёх церквях, а тот другой, если он себя оправдать хочет, в двенадцати церквях пусть сделает он это.

Любая клятва имела свою «цену». Весомость клятвы определялась при помощи гайды, но в данном случае гайда обозначала родовой коллектив, который проживал на этой территории. Родственники в данном случае выступали в судебном процессе в качестве соприсяжников. Кроме того, в некоторых случаях «стоимость» клятвы могла выражаться посредством вергельда, штрафом или стоимостью судебного иска (см, например, [Крючков 2008: 16 – 17]).

Обвинение в суде обязательно начиналось с предъявления обвинения, которое произносилось в форме обвинительной клятвы (да. foræþ) на тинге (да. þinȝ) или судебном собрании (да. mædel) [Adams 1905: 8].

Как указывает С.В. Санников, формула англосаксонской обвинительной клятвы известна благодаря анонимному сборнику X столетия, содержащему образцы клятв различного содержания. Обвинительная клятва начиналась инвокацией:

On lifienðes Ȝodes naman ... - Живого Бога именем...,

после которого следовало описание притязания истца с оглашением имени ответчика, например: «Столько взыскиваю имущества, сколько не получил обещанного от Н., когда я продал ему моё» [Санников 2012: 5].

Несколько по-другому оглашалось обвинение при рассмотрении дел об убийствах. Наследник убитого должен был огласить факт убийства на двух тингах, и только на третьем собрании суда, при оглашении обвинения в убийстве, он публично называл имя убийцы.

После оглашения обвинения в суде представители сторон провозглашали порядок, по которому должно было быть принято решение по делу: правовые проблемы считались слишком сложными для урегулирования простым решением, поэтому требовалось доказательство или демонстрация права, которое носило несколько иррациональный характер [History of Anglo-Saxon Law 2012: 9].

Правосудие не только устанавливало, каким образом должно было быть представлено доказательство в суде, но также кто его должен был представить. Обычно доказательства своей невиновности должен был предоставить обвиняемый. В случаях, когда по объективным причинам обвиняемый не мог принести клятву в своей невиновности, сам истец должен был представить доказательство своей правоты в виде, предписанном судом [Laughlin 1905: 186].

Обвиняемый по делу должен был принести в суде очистительную клятву:

Sifþan sio sace zesemed sio, an seofan nihtum se man þam oþrum riht zedo, zeswime an feo oþre an aþe, swa hwæder swa him leofre sio (H&E, 6.2). – После того как это дело суждено будет, в семь ночей этот человек тому другому по праву присуждённое делает, пусть удовлетворит имуществом или клятвой, так, как ему предпочтительнее будет.

Таким образом, в англосаксонской судебной процедуре очистительная клятва рассматривалась как форма исполнения судебного решения. Суд решал, какой из сторон необходимо принести клятвенное доказательство своей невиновности. При этом обвиняемая сторона могла выбирать между принесением очистительной клятвы и выплатой возмещения:

Zif he þonne þæt nulle, zelde þonne C buton aþe, sifþan ane neaht ofer þæt zesemeþ hie. (H&E, 6.3). – Если он тогда того не сделает, пусть заплатит тогда сто <шиллингов> вместо клятвы, после одной ночи, что судились они.

Se ðe diernum zedinzum betuzen sie, zeswicne hine be .cxx. hida þara zedinzea oððe .cxx. scillinza zeselle (Ine, 96). – Тот, кто в нечестных сделках обвинён будет, пусть очистит себя сто двадцатью гайдами <клятвой> от тех нечестных сделок, либо сто двадцать шиллингов пусть уплатит.

Очистительная клятва начиналась инвокационной формулой:

On almihtiges Zodes naman ... - Всемогущего Бога именем...,

за которой следовал текст, призванный засвидетельствовать невиновность ответчика: «Я не виновен ни в поступках, ни в словах, в которых Н. обвиняет меня» [Санников 2012: 8]. Очистительная клятва применялась при рассмотрении различных дел: от оспаривания сделок купли-продажи до тяжких преступлений (человекоубийство, кражи и т.п.).

Для принесения очистительной клятвы существовали два основных условия: человек, приносящий клятву, должен был быть в состоянии принести её, а, кроме того, должен был осмелиться сделать это.

Ælc mon mot onsacan frymþe & werfæhðe, zif he mæz oððe dear (Ine, 90). – Любой человек может очиститься клятвой от укрытия краденного и человекоубийства, если он может или осмелится.

Это предполагало, что, во-первых, у обвиняемого есть достаточное количество соприсяжников, готовых клясться вместе с ним, либо он обладает достаточным количеством имущества, которое он мог отдать в залог до принесения очистительной клятвы, либо у него есть поручитель, готовый внести необходимую сумму в залог; во-вторых, он может осмелиться

призвать имя Бога для подтверждения своей невиновности, в т.ч. в церкви или на могиле усопшего – фигуранта рассматриваемого дела.

Очистительная клятва рассматривалась в англосаксонском судебном процессе как ключевой момент. До принесения очистительной клятвы обвиняемый мог дать признательные показания в совершении преступления и в таком случае это являлось смягчающим обстоятельством при формулировке приговора.

Если в качестве дополнительного подтверждения своей невиновности обвиняемый приводил в судебное разбирательство соприсяжников (т.н. помощников в клятве; да. *æwda, gimæwda*), то каждый из них так же должен был принять клятву в подтверждение человека, за которого он ручался. Соприсяжником мог стать любой свободный человек:

Worzes mon mot oðsacan, zif he wat, þæt he ryht deð. (Ine, 85). - Поручителем кто-либо может присягать, если он знает, что он правильно делает.

Не могли выступать соприсяжниками и поручителями только несвободные люди, поскольку их правоспособность была довольно ограничена. Кроме того, соприсяжник должен был быть из той же деревни, что и обвиняемый:

Zesænne hine zif he mæze; hæbbe þære freora gim æwdamanna & ænne mid in afe æzhwilc man æt þam tune þe he tohyre (H&E., 3). – Пусть оправдает себя, если может; пусть имеет свободных соприсяжников и одного с ним в клятве любого человека в той деревне, к которой он принадлежит.

Таким образом, весомость приносимой в суде очистительной клятвы определялась количество участвующих в процессе соприсяжников обвиняемого, их происхождение, репутация и социальный статус [Seebohm 1902: 409, 475]. Количество соприсяжников, очевидно варьировалось, но, скорее всего, в среднем помогали в принесении клятвы около пяти человек [History of Anglo-Saxon Law 2012: 9].

Se þe bið werfæhðe betozen & he onsacan wille þæs slezes mid aðe, þonne sceal bion on þære hyndenne an kyninzæde be .xxx. hida, swa be zesidcundum men swa be cierliscum, swa hwæþer swa hit sie (Ine, 98). – Тот, кто в человекоубийстве обвинён и он очиститься хочет от тех обвинений, тогда должен иметь в сотне одного королевского [соприсяжника] с тридцатью гайдами, будь то гезит, или керл, кем бы он ни был.

Для подтверждения своей невиновности при принесении очистительной клятвы ответчик иногда так же должен был представить поручителя (да. *бугза*) со своей стороны по требованию суда. Отказ от предоставления поручителя наказывался штрафом в пользу короля.

Zif man oþerne sace tihte, & he þane mannan mote an medle oþþe an þinze, symble se man þam oþrum byrizean zeselle & þam riht awyrce þe to hiom cantwara deman zescrifen. Zif he þonne byrizan forwærne, XII scillinzas azyld e þam cyninze, & sio seo sacy swa open swa ær wæs (H&E, 6, 6.1). – Если кто-то другого в преступлении обвинит и он того человека в гемоте или собрании или тинге, навсегда пусть тот человек другому поручителя гарантирует, и то

право пусть исполнит, что ему кентского народа судьи назначат. Если он тогда в поручителе откажет, двенадцать шиллингов пусть уплатит королю, и пусть то дело будет таким же открытым, каким прежде было.

После предоставления поручителя стороны были обязаны определить третейского судью, который бы вынес решение по их делу. Эта обязанность возлагалась на обе стороны, однако, судя по одному из положений закона, большая активность в поисках предполагалась со стороны обвиняемого:

Ʒif man oþerne tithre, siþþan he him byriȝan ȝesealdne hæbbe, & þonne umb Ʒi niht, ȝesecsen hiom sæmend, buton þam ufor leofre sio þa þa tihtron aȝe (H&E., 6.2). – Если кто-то другого обвиняет, после того, как он себе поручителя гарантировал, пусть ищут себе третейского судью, но последний предпочтительнее пусть будет, чем тот, кто обвинение имеет.

Судебное расследование заключалось чаще всего в произнесении очистительной клятвы обвиняемым и всеми его соприсяжниками. Если клятва была принесена по всем правилам, судебное расследование прекращалось и обвиняемый объявлялся невиновным [Pollock Maitland 2010: 32].

Ответчик так же мог заменить принесение клятвы соприсяжниками в судебном разбирательстве на испытание с целью доказательства своей невиновности (об ордалиях см. далее в этом пункте) [Seebohm 1902: 499].

Если обвиняемый или любой из его соприсяжников не мог её принести клятву, отказываясь от неё или даже сделав ошибку при произнесении необходимой формулы, доказательство разрушалось и выносился обвинительный приговор. В качестве «разрешения спора в праве» этот способ установления истины по делу применялся в обычном праве Англии вплоть до XIX века [History of Anglo-Saxon Law 2012: 10].

Невиновность или правота той или иной стороны в судебном процессе могла быть также доказана с привлечением свидетелей или документальных доказательств.

Очевидцы преступления, либо свидетели того, что обвиняемый не совершал инкриминируемое ему преступление, должны были принести клятву в правдивости своих слов перед дачей показаний и о том, что они видели своими собственными глазами то, о чём собираются свидетельствовать в суде. Свидетели-очевидцы не могли выступать в том же судебном заседании в качестве соприсяжников никакой из сторон дела [Laughlin 1905: 218].

Однако документальные доказательства считались более надёжными, поскольку документы в тот период истории рассматривались как «верные и нетленные». Документы представлялись в судебном заседании либо нотариусами, либо самими сторонами самостоятельно [Laughlin 1905: 188]

В случаях, когда обвиняемый не мог снять с себя бремени обвинения, например, при недостаточном количестве соприсяжников, невозможности воспроизвести текст клятвы), он доказывал свою невиновность посредством ордалий. Ордалии как средство доказательства в судебном процессе применялись также в тех случаях, когда обвинение носило тяжёлый характер,

а также когда прочие методы доказательства были исчерпаны или неприемлемы.

Перед ордалией обвиняемый должен был пройти подготовительную процедуру подготовки к принесению очистительной клятвы. За три ночи до ордалии обвиняемому необходимо было получить благословение священника, соблюдать строгий пост, в который дозволялось принимать в пищу только хлеб, воду, соль и травы; он должен был посещать богослужения в каждый из этих дней, а в день, когда он должен был пройти испытание, - раздать милостыню и принести клятву в невиновности. Перед прохождением испытания обвиняемый также должен был внести залог в размере стоимости иска либо из собственных средств, либо из одолженной суммы [Санников 2012: 9].

Ponne mon bið tyhtlan betuzen, & hine mon bedrifed to ceape, nah þonne self nane wiht to zesellanne beforan ceape. Ponne zæd oðer mon, seleð his ceap fore, swa he þonne zepinzian mæze, on ða rædenne, þe he him za to honda, oð ðæt he his ceap him zeinnian mæze. Ponne betyhð hine mon eft opre siðe & bedrifð to ceape. Zif hine forð nele forstandan se ðe him ær ceap foresealde, & he hine þonne forfehð, þolize þonne his ceapes se, ðe he him ær foresealde (Ine, 106). – Если человек обвинён в преступлении, и его ведут на испытание, не имеет тот сам ничего совсем, чтобы внести перед ордалией. Если тогда придёт другой человек, даст своё имущество вместо, он тогда договориться может, на том условии, что он ему пойдёт в руку [=в службу], пока он его имущество ему вернуть сможет. Если осудят того человека ещё раз после и привлекут к ордалии, и если за него не захочет вступить тот, кто за него ранее залог вносил, и его тогда схватят, пусть потеряет он своё имущество то, что он за него прежде давал в залог.

Основными двумя разновидностями ордалий являлись испытания горячим железом и холодной водой.

При испытании горячим железом испытуемый должен был пронести в руках кусок раскалённого докрасна железа на расстояние в пять шагов. Сразу после этого рана от ожога забинтовывалась. Если при изучении раны (обычно это происходило через три дня) оказывалось, что она гноится, испытуемый объявлялся виновным, поскольку считалось, что человеку, говорящему правду, Божие провидение помогает избежать серьёзных ран.

В испытании холодной водой испытуемого связывали и сбрасывали в холодную воду. Если он тонул, то его признавали невиновным, если всплывал к поверхности воды, то объявлялся виновным.

Такие ордалии применялись повсеместно для доказательства вины или невиновности участников того или иного судебного процесса, в основном связанных с криминальными деяниями или в случаях, когда другие средства доказательств невиновности невозможно было применить.

Известен также другой способ испытаний для установления истины в судебном споре – испытание боем. Такие испытания были, по всей видимости, неизвестны англосаксонской системе правосудия, хотя часто применялась бургундским князем Гундобадам в самом начале шестого

столетия. Вильгельм Завоеватель предлагал такой вид ордалии при решении споров англичан с норманнами, но вскоре разрешил англичанам отказываться от него. Таким образом, испытание боем не было характерно для англосаксонской системы правосудия [Pollock Maitland 2010: 33].

После проведения всех необходимых процедур доказательства виновности или невиновности подсудимого, суд выносил приговор. Приговор составлялся на основе действующих законов, а также путём совещания участников процесса. Вердикт суда должен был быть исполнен в установленные законом или самим судом сроком. В случае, если ответчик не был в состоянии удовлетворить потерпевшего в соответствии с постановлением суда, он должен был принести клятвенное обещание (да. wed(d)) об исполнении судебного решения.

Ʒif hwa him ryhtes bidde beforan hwelcum scirmen oððe oþrum deman & abiddan ne mæze, & him wedd sellan nelle, Ʒebete .xxx. scillinza & binnan .vii. nihton Ʒedo hine ryhtes wierðne (Ine, 52).—Если кто-то себе право ищет перед каким-либо шерифом или другим судьёй и найти не может, и ему клятвенное обещание об исполнении судебного решения не хочет дать, пусть уплатит тридцать шиллингов и в течение семи ночей пусть ему право будет установлено.

Иногда в качестве решения суда родственникам убитого присуждалось принести клятву о неотмщении (да. unceases að), например:

Se ðe ðeof slihð, he mot aðe Ʒесудan, þæt he hine fleondne for ðeof sloze, & þæs deadan mæzas him swerian unceases að (Ine, 79).—Тот, кто вора убил, он может клятву произнести, что он его убегающего за кражу ударил, и того мёртвого родичи ему пусть принесут клятву в неотмщении.

Решение суда было окончательным. Не существовало каких-либо способов исправления судебной ошибки, если таковая обнаруживалась после окончания заседания суда [Adams 1905: 24].

В целом, основной характеристикой древнеанглийских судов являлось то, что, когда это было возможно, судебное заседание стремилось в своих решениях достичь компромисса между сторонами [Adams 1905: 26; History of Anglo-Saxon Law 2012: 10].

Несомненно вызывает интерес и функционирование исполнительной власти в дреанеанглийских королевствах.

В раннеанглосаксонский период не существовало особых органов исполнительной власти, как, например, современные полиция, милиция или жандармерия. Закон и судебные решения приводились в исполнение другими силами.

Исполнительная власть в англосаксонском обществе вплоть до Нормандского завоевания в 1066 г. основывалась на коллективной солидарной ответственности каждого члена общества.

В древнеанглийских обществах отдельно взятый человек представлялся не как индивидуальный представитель социума, но как член определённой группы, все участники которой связаны друг с другом посредством взаимных притязаний и ответственностей, что находит своё отражение также и в

ранних англосаксонских законах [Police 2012]. Простейшей из таких групп был клан (да. *mæẏp*) отношения внутри которого строились на кровном родстве по мужской линии. Личная защита и месть, клятвы, брак, опека, охрана спокойствия и достойное поведение, - всё это регулировалось законами родства. Действия человека рассматривались не как действия по его собственной воле, но как деяния всего его родства, и все члены его клана несли ответственность за эти действия [Anglo-Saxon Law 2012a]. Отношения, которые сначала имели обычный дружеский или родственный характер, затем использовались как средство усиления правовой ответственности всего клана за действия незаконнослушных его членов [Anglo-Saxon Law 2012b].

Таким образом, англосаксонская форма круговой поруки требовала от каждого взрослого мужчины сообщества нести ответственность за пристойное поведение каждого члена общества, а также объединяться в случаях возникновения какой-либо опасности в отношении этого сообщества. Однако после X в. ситуация несколько изменилась, с одной стороны, из-за почти полного разрушения института клана и родства, а с другой – в связи с обретением административного деления королевства [History of English Law 2012: 8]. Все графства (да. *scīr*) теперь делились на сотни (да. *hundred*) [Adams 1905: 3 – 5] (в северных территориях сотни именовались уэпентаками (да. *wæpenzetac*)), сотни делились на десятины (да. *tīpinz*, *tēofunz*). Десятина представляла собой совокупность людей, которые проживали в десяти соседствующих хозяйствах. Братства десятин вступали в отношения взаимопомощи и защиты друг друга, а также поровну выплачивали штрафы за членов своего объединения.

Указанные единицы административного деления имели три типа представителей соответственно: десятины представлял человек десятины (да. *tīpinzman*, *tēofunzman*), сотни представлялись сотником (да. *hundredman*), а графства – шерифами (да. *scīrman*, *scīrzerēfa*). Представители этих объединений встречались один раз в месяц. Основная функция представителей объединений людей различных уровней – административная: король передавал информацию шерифам, затем те – сотникам и, соответственно, людям десятин [Pollock Maitland 2010: 36]. Информация, передаваемая через этих представителей, носила общий характер, например: убеждение населения в необходимости вести торговлю в соответствии с законом или предупреждение скотокрадства. Они также участвовали в рассмотрении дел о нарушении спокойствия короля [Anglo-Saxon Law 2012a; Anglo-Saxon Law 2012b].

Члены городских округов и сотен также вступали в отношения коллективной ответственности, поскольку они представляли собой группы людей, объединённых экономическими и правовыми интересами [Anglo-Saxon Law 2012b].

Свидетель совершаемого преступления должен был поднимать тревогу, очевидно, кричать и призывать на помощь, для того, чтобы созвать членов десятины, а также преследовать и схватить преступника. Все члены

сообщества были обязаны преследовать преступников, а те, кто отказывался исполнять эту обязанность, подвергались наказанию [Police 2012]. Кроме того, люди, способствовавшие поимке преступников, могли рассчитывать на материальное вознаграждение и защиту от мести родственников осуждённого.

Se þe gefo & 3езан3е, healfne hine а3е (W., 21.1). – Тот, кто его [=вора] схватит и приведёт, половину того [=украденного] пусть имеет.

Se ðe forstolen flæsc findeð & 3edyrneð, 3if he dear, he mot mid аде 3есудан, þæt he hit а3е; se ðe hit ofspyreð, he аh ðæt meldfeoh (Ine, 61). – Тот, кто украденное мясо найдёт и спрячет, если он осмелится, он может клятву принести, что он его не имеет; тот, кто это найдёт, тот пусть имеет плату за донос.

3if friman þonne an ðane forbodenan timan sio he healsfan3е scyldi3 & se man se þara sie he а3е healf þ wite & ðæt weorc (W., 8.2). – Если свободный человек тогда в то запрещённое время [работает], пусть будет он самым большим штрафом виновен, и тот человек, что там будет [=свидетель], он пусть имеет половину штрафа и ту работу.

Se ðeof 3efehð, аh .x. scillin3а, & se cunin3 ðone ðeof; & þа mæ3as him swerian аðas unfæhða (Ine, 72). – Тот, кто вора поймает, пусть имеет десять шиллингов, и король того вора, и его родичи ему пусть поклянутся клятвами о неотмщении.

Se ðe ðeof 3efehð, оððе him mon 3efongenne а3ifð, & he hine þonne alæte, оððе þа ðiefðе 3едierne, for3ielde þone þеof his were. 3if he ealdormon sie, ðolie his scire, buton him kynin3 аrian wille (Ine, 80). – Тот кто вора поймает, или ему другой пойманного [вора] передаст, и он его тогда отпустит, или кражу утаит, пусть оплатит того вора его вергельдом. Если он эльдорменом будет, пусть потеряет свой шир, если его король помиловать не пожелает.

Ответственность за противоправные деяния несвободных людей несли их глафорды:

3if mannes esne fri3ne mannan oflæhð, þана þе sie hund scillin3а 3elde, se а3енд þоне банан а3ефе & оþеr manwyrð þær тó (H&E., 2). – Если человека слуга свободного человека убьёт, который есть сотней шиллингов оплачиваем, хозяин убийцу пусть отдаст и ещё один штраф за человека туда [добавит].

В случаях, когда на месте преступления не оказывалось свидетелей, ответственность за поиск преступника полностью возлагалась на жертву преступления или её родственников, поскольку в этот период развития общества ещё не существовало государственных органов, в обязанности которых входило бы расследование преступлений. Если принять во внимание тот факт, что в те времена общество в целом и поселения в частности не были очень многочисленными, то можно предположить, что люди, живущие рядом, знали друг друга очень хорошо [Anglo-Saxon Law 2012b].

О слабости исполнительной власти раннеанглосаксонского периода также свидетельствует большое количество мер предосторожности, которые описывает архаичный закон для случаев неявки в суд одной из сторон. Такие

меры предосторожности, к примеру, встречаются в Правде короля Ине, и сохраняют традицию времён, когда споры решались по договорённости сторон. Кроме того, распространённость случаев самосуда (который, по замечанию одного из историков германского права, был характерен для германских племён в целом [Laughlin 1905: 263]) в ранненовоанглийском обществе говорит о том, что понятие законности в то время только набирало силу [Pollock Maitland 2010: 31].

Ʒif ðeowwealh Enȝliscne monnan ofslihð, þonne sceal se ðe hine ah weorpan hine to honda hlaforde 7 mæzum oððe .lx. scillinga zesellan wið his feore. Ʒif he þonne þone ceap nelle forezesellan, þonne mot hine se hlaford zefreozean; Ʒielden siððan his mæzas þone wer, Ʒif he mæzburz hæbbe freo; Ʒif he næbbe, heden his þa zefan (Ine, 118). – Если раб-уэльсец англичанина убьёт, тогда должен его отдать [глафорд] в руки глафорда и родни [убитого] или шестьдесят шиллингов должен уплатить за его жизнь. Если тогда этой суммы не хочет он уплатить, тогда может его глафорд освободить; пусть оплатят тогда его родичи тот вергельд, если он родичей имеет свободных; если не имеет, то пусть расправятся они над ним.

Eac we beodað: se mon se ðe his zefan hamsittendne wite, þæt he ne feohte, ær ðam he him gyhtes bidde (Alf., 38). – Также мы повелеваем: тот, кто своего врага дома место знает, чтобы он не мстил, до тех пор пока он ему по праву не ответит [по постановлению суда].

Несомненно, в реконструкции описанных выше социально-правовых коммуникативных ситуаций особое место занимает лингвистическое исследование законодательных текстов описываемого периода.

Анализ древних текстовых памятников зачастую позволяет получить информацию об экстралингвистических параметрах коммуникативных ситуаций различных типов, социальных и материальных реалиях. Точные исторические факты, установленные в ходе исследований древних текстов, могут лечь в основу дальнейших исторических, юридических, социальных и лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Клочков 2008 – Клочков В.В. Социальная стратификация англосаксонского общества VII – VIII вв. (по юридическим памятникам). – Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2008. – 102 с.
2. Колядин 2012 – Колядин Е.А. Проблема «Текст versus дискурс» в отношении древних текстов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Сборник статей ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 3–4 февраля 2012 г. [Текст] – В 3-х чч. Ч. 2 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – С. 58 – 61
3. Санников 2012 – Санников С.В. Формы употребления клятвы в древнеанглийском (англосаксонском) судебном процессе. [Электронный ресурс] Системные требования: Adobe Acrobat Reader – URL: www.nsu.ru/classics/law/Sannikov-klyatvy.pdf - 16 с. (дата обращения: 22.02.2012)

4. Adams 1905 – Adams H. The Anglo-Saxon Courts of Law / Essays in Anglo-Saxon Law. – Boston: Little, Brown and Co., 1905 – pp. 1 – 54
5. Anglo-Saxon Law 2012a- Anglo-Saxon Law / Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopædia Britannica Inc.- [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/25121/Anglo-Saxon-law> (дата обращения: 02.02.2012)
6. Anglo-Saxon Law 2012b – Anglo-Saxon Law / Wikipedia – Online Encyclopedia. Wikimedia Foundation. – [Электронный ресурс]. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Anglo-Saxon_law (дата обращения 02.02.2012)
7. History of English Law 2012 – History of English Law. Chapter 2: The Anglo-Saxon Legal System. [Электронный ресурс] Системные требования: Adobe Acrobat Reader – URL: www.londoninternational.ac.uk. (дата обращения: 10.02.2012)
8. Laughlin 1905 – Laughlin J.L. The Anglo-Saxon Legal Procedure / Essays in Anglo-Saxon Law. – Boston: Little, Brown and Co., 1905 – pp. 183 – 306
9. Police 2012 – Police (Law Enforcement)/ Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica Online. Encyclopædia Britannica Inc. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/467289/police> (дата обращения 20.02.2012)
10. Pollock Maitland 2010—Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law Before the Time of Edward I. NY.: General Books, 2010.—549 pp.
11. Seebohm 1902 – Seebohm F. Tribal Custom in Anglo-Saxon Law. L.& NY.: Longmans, Green & Co., 1902 – 596 pp.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ АНГЛОСАКСОВ

Н.М. Копысова
МОУ СОШ № 102
г. Новокузнецк, Россия

Древнеанглийский язык представляет интерес для изучения эволюции сознания англосаксов в эпоху перехода от родоплеменной общности к народности. Памятник на древнеанглийском языке эпическая поэма «Беовульф» отражает нравы и обычаи скандинавских и англосаксонских племен V-VI вв. В героическом эпосе «Беовульф» прославляется общность всех германских племен, выражая дух англов, саксов, готов, фризов, данов, указывая на этническое единство и чувство родства. В поэме отражены предшествующий социальный опыт германских племен и начало развития общества на новой основе; действительность, с которой сталкивалась вся группа северо-западных германцев.

В след за М.И. Стеблиным – Каменским отметим, что поэма «Беовульф» в равной мере представляет как англосаксонский, так и

старосеверный эпос, потому что на территории Скандинавии господствовала «гибридная лингвистическая непрерывность». [Стеблин-Каменский 1953]

Каждая историческая эпоха развития общества связана с этническими определителями, вызванных сменой различных типов этнических общностей в переходную эпоху. В сфере социальных действий усматривается нижний слой генезиса коллективных представлений и коллективных действий. Этническая общность у германцев в раннее средневековье (до IX в.) проявлялась в двух различных плоскостях: первая 'þeód' – народ, люди, выражающее единство происхождения всех германцев, важной предпосылкой которого было языковое родство. Вторая плоскость представлена отдельными племенами англов, саксов, ютов, данов, варинов, франков и т.д., которые в дальнейшем стали основой для наименования возникающих раннефеодальных государств. [Шервуд 1988]

Характерная особенность сознания первобытной эпохи заключается в его нерасчлененности, в совпадении смыслов и значений, проистекающих из социальной нерасчлененности первобытного общества. Взаимосвязь между сознанием и определенным способом производства материальных благ «накладывали отпечаток на язык и – обратно – отражались в нем». [Шервуд 1988:17]

При исследовании периода развития англичан как этнической общности в момент перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу необходимо подчеркнуть, что неразрывной связью функционирования этнического сознания с социально-экономическим развитием, а также эволюцией общества в целом является язык как важнейшее средство человеческого общения.

Описывая сознание, мы должны освещать языковую сторону процесса сознания. Язык как инструмент мысли и аккумулятор культуры, реализует не только процесс передачи информации от индивида к индивиду, но и есть осознаваемая языковая биологическая форма мышления. За языковой формой общения кроются не только сказанные слова, но и смысл. [Комлев 2003:5]

Рассмотрим на примере древнеанглийских многозначных глаголов, как отражается в англосаксонском языке понимание действительности у носителей языка раннего средневековья. Приведенный анализ словарных дефиниций показывает старейший слой древнеанглийской лексики, связанный с общегерманским состоянием, наиболее удаленный от современности, но доступный для анализа особенностей полисемии. Изучение древних лексических форм языка позволяет обнаружить данные о том, какими средствами обобщения располагал язык в эпоху своего исторического бытования.

on-hebban I. To lift up, raise (*the eyes, voice*) – поднимать (глаза, голос); II. To raise (*as barm does*), to leaven – поднимать(ся) (тесто); III. To take up, begin – начинать; IV. To take away; - уносить; V. *metaph.* To lift up, exalt – *метафорич.* Воодушевлять, возвеличивать [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 749]

on-hlidan I. *trans.* To open, uncloseth – *неперх.* открывать; II. *Intrans.* To be disclosed, to appear – *неперх.* ВскрыватьсЯ, появлятьсЯ [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 754]

on-hweorfan I. *Tras.* To change, reverse – *неперх.* Менять, изменять; II. *Intrans.* To change, turn, revert – *неперх.* возвращатьсЯ [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 755]

on-hwirfan I. To turn (*of actual motion*) – повернуть (*фактическое движение*); II. to invert, transpose – переворачивать, переставить; III. To change, turn – перевернуть [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 755]

on-scunian I. to regard with loathing, to abhor, detest, execrate – смотреть пристально с отвращением, испытывать отвращение, ненависть, неприязнь; II. to regard with disfavour, to refuse, reject, shun – смотреть с нелюбовью, с неприязнью, отвергать, чуждаться, отталкивать, избегать, беречьсЯ, остерегаться; III. To regard with fear – смотреть со страхом; IV. To irritate – возмущать, раздражать, сердить [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 757]

on-sittan I. to occupy – занимать, арендовать; II. To oppress – подавлять, притеснять; III. To fear - боятьсЯ [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 758]

on-styrian I. to move, to stir (*of physical motion*) – двигать, передвигать (*физическое движение*); II. To move, stir up, excite – побуждать, стимулировать, вызывать отклик, возбуждать; III. To move, disturb, agitate (*a person*) – волновать, беспокоить, доставлять хлопоты, волновать, возбуждать, сотрясать, агитировать (*человека*) [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 759]

on-tendan I. to kindle, set fire to, to fire зажигать, разжигать, поджигать, предавать огню, жечь; II. To kindle *emotion or passion*, to excite, inflame – зажигать, разжигать, эмоции или страсть, вдохновлять, возбуждать, воспламенять [An Anglo-Saxon Dictionary 1972: 759]

Существование многозначности у древнеанглийских глаголов ясно говорит о том факте, что познавая мир, люди описывали происходящую действительность на основе собственных переживаний. Многозначные глаголы отражают способы, содержащие логические и эмоциональные ассоциации носителей языка, при помощи которых они познают мир. [Феоктистова 1984 : 4]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Текст] – 216 с. (Лингвистическое наследие XX века).
2. Копысова Н.М. Беовульф (о происхождении поэмы). Проблемы и перспективы языкового образования в XXI веке: Материалы региональной научно-практической конференции/Под ред. И.Д. Лаптевой, А.В. Колмогоровой, А.А. Куриленко. [Текст] – Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2004. – 180 с.
3. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. [Текст] М.-Л., 1953. – 340 с.

4. Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам. [Текст] – М.: Наука, 1988. – 240 с.
5. Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). [Текст] – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. – 188 с.
6. An Anglo-Saxon Dictionary, Based on the manuscript collections of the late. Josef Bosworth, D.D., F.R.S. Rawlinsonian Professor of Anglo-Saxon in the University of Oxford. Edited And Enlarged by T. Northcote Toller, M.A. [Текст] Oxford University Press, 1972. – 1302 с.
7. RPO editor: Ian Lancashire. Web Development Group, Information Technology Services, University of Toronto Libraries. Original Text: Beowulf and Judith. Ed. E.V.K. Dobbie. Anglo-Saxon Poetic Records 4. New York, 1953; Beowulf. Trans. By Francis B. Gummere. Harvard Classics. Vol. 49. Collier, 1910. Source: British Library MS Cotton Vitellius A. xv: electronic transcription of ms: Cameron A4.1 in the Dictionary of Old English corpus; electronic transcription of translation: Robin Katsuya-Corbet (Internet Wiretap edition), 2003. [Электронный ресурс]

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АСПЕКТЕ ЦЕННОСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Н.Е. Кунина, И.А. Орлова

ФГБОУ ВПО Челябинский государственный педагогический университет
г. Челябинск, Россия

Отношение человека к миру — это отношение активного взаимодействия с окружающим миром, это стремление приспособить мир к своим потребностям, это целенаправленное преобразование мира в соответствии со своими ценностными представлениями. В сферу ценностных представлений в первую очередь входят представления людей о добре и зле, о плохом и хорошем, которые формируются в соответствии с социально-культурными стереотипами, принятыми в том или ином обществе [Ивин 1970: 25; Фофанов 1981: 174]. При этом следует заметить, что ценностные представления, закрепленные в языке, являются результатом совместной деятельности многих поколений людей как в истории мирового сообщества, так и в истории отдельного народа. Сравним, к примеру, зафиксированные во фразеологическом фонде английского языка крылатые выражения, этимологически восходящие к фактам и событиям из мифологии, культуры, истории.

Античная мифология: Augean stables = авгиевы конюшни, запущенное, загрязненное место; *the thread of Ariadne* = нить Ариадны, ариаднина нить, путеводная нить; *the cask of Danaides* = бочка Данаид,

бездонная бочка; *Pandora's box* = ящик Пандоры, источник всяческих бедствий [АРФС];

Библейские сюжеты: *the Holy of Holies* = святая святых (*Exodus XXVI, 34; с лат. Sanctum sanctorum*); *old wives' tales* = бабушкины сказки, бабьи сплетни, небылицы (*I Timothy IV, 7*); *smb's days/hours are numbered* = его (ее и т.д.) дни (или часы) сочтены (*Psalms XC, 12*) [АРФС];

История европейской науки, искусства и культуры: *discover America* = открыть Америку, говорить, объявлять о том, что всем давно известно; *Golden Age* = 1) золотой век, период расцвета (культуры, искусства и т.п.); 2) счастливая пора жизни; *a storm in a tea-cup* = буря в стакане воды [АРФС];

Английская литература (произведения Шекспира): *much ado about nothing* = много шума из ничего; *melt into thin air* = растаять, раствориться в воздухе, бесследно исчезнуть, испариться; *eat somebody out of house and home* = разорить человека, живя на его счет; *a fool's paradise* = призрачное счастье, мир фантазий [АРФС].

Старинные поверья: *a black sheep* = паршивая овца, позор в семье (по старому поверью, черная овца отмечена печатью дьявола); *lick into shape* = придавать форму, вид, сделать человека из кого-либо; отделявать (произведение и т.п.) [АРФС].

В желании целенаправленного преобразования мира человек стремится определенным образом его *квалифицировать* и дать *субъективную оценку*. Основой оценки, эксплицируемой в речи, всегда остается личность говорящего субъекта, который не только осуществляет номинацию фрагмента действительности, но и передает свою "точку зрения", видение "положения вещей" собственным взглядом, формируемым не только психофизиологической природой человека, но и отраженным в ней общественным сознанием, сознанием социума [Маркелова 1996: 82].

Полагаем, что *оценивание*, отраженное во фразеологическом составе языка, следует рассматривать как явление двух порядков: во-первых, оценивание есть *квалификация* (характеристика) обозначаемого ФЕ фрагмента действительности, т. к. всякая квалификация — это уже оценивание [Телия 1996: 181], а во-вторых, оценивание есть собственно *оценка* охарактеризованного денотата в бинарной оппозиции "хорошо"/"плохо".

Общепризнано, что назначение, функция номинативного знака в языке состоит главным образом в том, чтобы обозначить в речи предмет, его признак, его действие или состояние, признак этого действия или состояния, чтобы обозначить денотативную ситуацию в целом. Фразеологические единицы, и, прежде всего идиомы, относятся к тем знакам вторичного означивания, которые совмещают функцию наименования явления действительности с функцией его интеллектуально-эмотивной квалификации и оценки [Добрыднева 2000: 45]. Так, фразеологической единицей *a black sheep* обозначается человек, подобный паршивой овце, опозорившей семью. Отсюда и определенная квалификация такого человека как не похожего на

других, не такого, как остальные. В значении данной квалификации и негативной оценки употребил американский писатель Теодор Драйзер в следующей ситуации: ... *like her father, she was, she said, the religious **black sheep** of the family. She had never been able to believe anything save that which appealed to her as reasonable.* ("A Gallery of Women", "Rona Murtha"). В представленной ситуации у говорящего субъекта возникла коммуникативная установка через конкретный образ, через наглядное представление обозначить свое положение в семье, одновременно отрицательно охарактеризовав себя как человека, который не доверяет никому, кроме себя.

Особо подчеркнем, что мнение говорящего об определенном факте действительности связано с его индивидуальной ценностной "картиной мира", сложившейся в определенном языковом социуме в соответствии с национально-культурными стереотипами, общественными приоритетами и личными духовными устремлениями. Как уже отмечалось выше, говорящий субъект в стремлении выразить свое отношение к факту действительности использует уникальный номинативный знак языка — фразеологическую единицу.

Фразеологические единицы, отражая стереотипы культурно-национального миропонимания, участвуют в воспроизведении, преобразовании и передаче "кодов" национальной культуры, национально-культурных ценностей от поколения к поколению.

В современном фразеологическом словаре, как и во всем фразеологическом фонде английского языка, проявляется неповторимая черта естественного языка (по сравнению с другими знаковыми системами) опосредованно, образно, а следовательно, и экспрессивно обозначать свойства социально-психической жизни человека, а также давать этим свойствам ситуативно-значимую положительную или отрицательную оценку.

Большая часть фразеологических единиц английского языка обозначает положительную или отрицательную оценку номинируемого фрагмента действительности потенциальным субъектом речи. Например, положительную оценку могут обозначать следующие ФЕ: *look a picture* = look very pretty or attractive; *be in apple pie order* = to be very tidy or perfectly arranged; *have a heart of gold* = used about someone who is very kind, especially when they do not seem to be kind; [LID]

Отрицательная оценка социально-психических свойств или каких-либо действий человека содержится в значении следующих ФЕ: *have a heart of stone* = to be very unkind or unsympathetic; *boiling point* = when people are very angry and it seems that they might do something violent or lose control of their tempers; *the best of a bad lot/bunch* = used in order to say that someone or something is not very satisfactory, but is better than other people or things of the same kind or in the same group [LID].

По мнению исследователей, в английском языке гораздо меньше фразеологических единиц, содержащих в своем значении положительную оценку номинируемого фрагмента действительности, чем ФЕ оценки отрицательной, что связано с ценностными представлениями носителей

английского языка о добре и зле, жизни и смерти, любви и ненависти, долге и чести, о высших проявлениях ума и трудолюбия. В лингвистических исследованиях существует гипотеза, что обозначения «плохого» более дифференцированы, чем обозначения хорошего» и что в языке есть более разнообразные средства для детальной классификации плохих поступков человека, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших и т.п. [Вольф 1986:102].

Как уже было нами замечено ранее, фразеологическая единица представляет собой результат вторичного отражения в языке картины мира, результат, обогащенный опытом ценностного, т. е. характеризующего и оценочного освоения носителями языка соответствующих фрагментов действительности. Это онтологическое свойство фразеологических единиц позволяет рассматривать их как одно из основных оценочных средств языка. ФЕ обладают способностью сигнализировать о ценностном отношении говорящего субъекта к миру, о его эмоциональном состоянии. Вследствие этого высказывание, содержащее данное имя, обладает ярко выраженной экспрессией и способно производить прагматический эффект [Проблемы фразеологической семантики 1996: 41-42].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков “хорошо/плохо” // *Вопр. языкознания*. 1986. № 5. с. 98 – 106.
2. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Монография / Науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. -230 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Некоторые вопросы английской фразеологии. М., 1955. с. 1431-1455.
5. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // *Филол. науки*. 1996. № 1. с. 80 – 89.
6. Проблемы фразеологической семантики. Коллективная монография / Под ред. Г.А. Лилич. СПб: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1996. - 172 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 228 с.
8. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 304 с.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

Е.О. Моргунова, С.М. Кручкович
Российский Университет Дружбы Народов

Предметом изучения дисциплины «лингвистика текста» является текст. **ТЕКСТ** (фр. *texte*, англ. *text*, от лат. *textus* "ткань, сплетение, структура; связное изложение"), языковое произведение неограниченной длины. Текст (письменный и устный) это как первичная данность вообще всего гуманитарно-филологического мышления. Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и может исходить это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления.

Всякий текст имеет субъекта, автора (говорящего, пишущего).

Если за текстом не стоит язык, то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое) явление, например комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости. Конечно, каждый текст (и устный и письменный) включает в себя значительное количество разнородных естественных, натуральных моментов, лишенных всякой знаковости, которые выходят за пределы гуманитарного исследования (лингвистического, филологического и др.), но учитываются и им (порча рукописи, плохая дикция и т. п.). Чистых текстов нет и не может быть. В каждом тексте, кроме того, есть ряд моментов, которые могут быть названы техническими (техническая сторона графики, произношения и т. п.).

За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь его смысл (его замысел, ради чего он создан). По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Это в какой-то мере выходит за пределы лингвистики и филологии. Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевом общении данной области). Этот полюс связан не с элементами (повторимыми) системы языка (знаков), но с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими (и диалектическими при отвлечении от автора) отношениями.

Всякая система знаков (то есть всякий язык), на какой узкий коллектив ни опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть расшифрована, то есть, переведена на другие знаковые системы (другие языки); следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков (который, конечно, никогда не может стать конкретным единичным языком, одним из языков). Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов.

Текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать.

Можно идти к первому полюсу, то есть к языку - языку автора, языку жанра, направления, эпохи, национальному языку (лингвистика) и, наконец, к потенциальному языку языков (структурализм, глоссематика). Можно двигаться ко второму полюсу - к неповторимому событию текста.

Между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста.

Оба полюса безусловны: безусловен потенциальный язык языков и безусловен единственный и неповторимый текст.

Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности. Поэтому он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения. Но это, конечно, не исключает внутренней необходимости, внутренней логики свободного ядра текста (без этого он не мог бы быть понят, признан и действителен).

Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте твоего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов). Язык и речь можно отождествлять, поскольку в речи стерты диалогические рубежи высказываний. Но язык и речевое общение (как диалогический обмен высказываниями) никогда нельзя отождествлять. Возможно абсолютное тождество двух и более предложений (при накладывании друг на друга, как две геометрические фигуры, они совпадут), более того, мы должны допустить, что любое предложение, даже сложное, в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повторяться: это всегда новое высказывание (хотя бы цитата).

Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности. Иногда «дискурс» понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат (т.е. текст); именно такое понимание является предпочтительным. Иногда встречающиеся попытки заменить понятие дискурса словосочетанием «связный текст» не слишком удачны, так как любой нормальный текст является связным.

Чрезвычайно близко к понятию дискурса и понятие «диалог». Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей - говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами - участниками дискурса; в этом случае говорят о диалоге. Если же на протяжении дискурса (или значительной части дискурса) роль говорящего

закреплена за одним и тем же лицом, такой дискурс называют монологом. Неверно считать, что монолог - это дискурс с единственным участником: при монологе адресат также необходим. В сущности, монолог - это просто частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставлялись.

Термины «текст» и «диалог» как более традиционные обросли большим количеством коннотаций, которые мешают их свободному употреблению. Поэтому термин «дискурс» удобен как родовой термин, объединяющий все виды использования языка. Поскольку структура дискурса предполагает наличие двух коренным образом противопоставленных ролей - говорящего и адресата, постольку сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса - не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ - те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом (например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения он и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива - рассмотрение процесса языкового общения с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста).

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, а также соответствующий раздел лингвистики называются одинаково - дискурс[ив]ным анализом или дискурс[ив]ными исследованиями. Хотя языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем - стилистики и литературоведения, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Произошло это на фоне господствовавшей в лингвистике на протяжении большей части 20 в. противоположно направленной тенденции - борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф. де Соссюр считал, что истинный объект лингвистики - языковая система (в противоположность речи), Н.Хомский призвал лингвистов изучать языковую «компетенцию» и абстрагироваться от вопросов употребления языка. В последнее время, однако, познавательные установки в науке о языке начинают меняться, и набирает силу мнение, в соответствии с которым никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.

Направление дискурсивного анализа зародилось раньше идеи «лингвистики текста», но именно ему было суждено реализовать исходные замыслы такой лингвистики.

Само название направления заимствовано у З. Харриса, создателя позднеструктуралистской концепции. По З. Харрису, анализ дискурса -- метод анализа связной речи или письма. Метод этот формальный, ориентируется только на встречаемость морфем, взятых как различительные элементы. Он не зависит от знаний аналитика о том, каково конкретно значение каждой морфемы. Этот метод не дает также никакой новой информации о значениях отдельных морфем, входящих в текст. Но это не значит, что в результате анализа дискурса мы ничего не узнаем о дискурсе и о том, как грамматика языка в нем проявлена. Ведь «хотя мы и пользуемся формальными процедурами, сходными с дескриптивно-лингвистическими, мы можем получить новую информацию о конкретном изучаемом тексте, информацию, выходящую за рамки дескриптивной лингвистики».

Этот подход нацелен на решение двух взаимосвязанных проблем:

- а) распространение методов дескриптивной лингвистики за пределы отдельно взятого предложения,
- б) соотнесение культуры и языка - т. е. неязыкового и языкового поведения.

Дистрибутивный анализ, по мнению Харриса, полезен в обеих областях. А именно, с одной стороны, он выводит нас за пределы предложения, позволяет установить корреляции между элементами, далеко отнесенными друг от друга в тексте. С другой же стороны, учитывается, что любой дискурс возникает в рамках конкретной ситуации - той, о которой говорит человек, или той, в которой находится некто, записывая время от времени свои мысли. Этот же метод состоит в установлении встречаемости элементов дискурса, а особенно, в закономерностях появления одних элементов от других - в рамках одного и того же дискурса.

В 1980-е гг. на анализ дискурса смотрят как на описание закономерностей в языковых реализациях, используемых людьми для сообщения значений и интенций, связанное с разнообразными операциями и научными дисциплинами:

1. Социолингвистика, занимающаяся структурой социального взаимодействия, проявленного в разговоре, дает «заземленное» обобщение, поскольку она основана на реально зафиксированных образчиках языка в его употреблении - работая обычно с транскрибированными данными устной речи.

2. Психолингвистика, в связи с реальным пониманием речи.

3. Философия языка, а также формальные модели, где рассматриваются семантические отношения между парами предложений и их синтаксических реализаций. Там же рассматриваются отношения между значениями и возможными мирами: насколько используемые предложения дают суждения, которым могут быть приписаны значения «истина» или «ложь». Огрубление здесь состоит в том, что при этом рассматриваются архетипные говорящие,

обращающиеся к архетипным же слушающим в рамках (минимально конкретизированного) архетипного контекста.

4. Вычислительная лингвистика, занимающаяся конструированием моделей обработки дискурса. Она, впрочем, ограничена текстами конечной длины, часто очень короткими и взятыми в рамках укороченных же контекстов.

Выделяются два типа моделей анализа:

1. Формальные модели - в них семантические качества языковых форм не учитываются, отвлекаются в них и от исторических аспектов языка. Сюда относятся следующие направления: теория речевых актов, анализ разговора (этнометодология) и этнография речи. Эти модели направлены на описание коммуникативной компетенции. Формальные теории дискурса рассматривают формы существования разговорного языка под углом зрения взаимодействия людей в социологическом аспекте. Предметом анализа являются транскрипции последовательности речевых взаимодействий. Исследуемые же единицы лежат выше уровня предложения; например, к этим единицам относятся речевые акты, ходы в общении и обмен репликами.

2. Содержательный анализ дискурса - полностью сосредоточен именно на семантической и исторической плоскостях, как в теоретическом, так и в практическом планах. Такой анализ направлен на объяснение явлений речевой деятельности, точнее - «исполнения». Материал исследования черпается из истории, из письменных памятников.

В последнее время характерными чертами его стали:

1) большой вес, придаваемый интратекстуальному описанию («морфология дискурса»);

2) критика каузальной концепции отношений между внутрискурсным и внескурсным (в начале развития анализа дискурса на европейской почве чаще предполагалось, что внутренняя структура дискурса связана с внешними функциями его и ими обусловлена);

3) подход к высказыванию под углом зрения интерпретации последовательностей (причем интерпретации, которую структурирует знание, а не продуцирования этих последовательностей).

По сравнению с анализом дискурса З. Харриса, европейский анализ дискурса значительно больше ориентирован на философию, на хитросплетения текста. Дискурс при этом не столько точка зрения, сколько источник ограничений, или фильтров, управляющих конкретной деятельностью: высказывание это не обманчивая сцена, где лишь сходятся содержания, заготовленные порознь. Высказывание -- непосредственный участник конструирования смысла и сюжетов, распознаваемых в дискурсе. Анализ дискурса не только должен объяснять, почему те, а не иные высказывания были использованы, но и почему выбран именно данный путь мобилизации сил, использования именно данных социальных источников».

В свете новых тенденций перед анализом дискурса стоят дополнительные задачи:

1. Проблема идентичности дискурсной формации. Отношение к другому человеку не является производным, а составляет суть дискурса. Этот «другой» не бесформенен: ведь смысл циркулирует между определенными жизненными позициями. Вот почему сегодня отказываются и от концепции дискурса как «видения мира», и от концепции, согласно которой дискурс -- проявление воли к выражению у коллективного субъекта.

2. Противопоставление глубинного и поверхностного в анализе текста, разграничение «глубинных» содержаний и «поверхностной» организации высказываний (когда последние считаются зависящими от обстоятельств коммуникации). Высказывания не предназначены только для презентации содержания, для театрализации уже существующего смысла.

3. Представление о взаимоотношениях дискурса и общества. Смысл и языковая деятельность составляют отдельное независимое измерение в общественной жизни и не являются надстройкой над экономическим базисом. Есть «дискурсивный порядок», и задача состоит в том, чтобы выяснить связи между дискурсом и группами, являющимися движущими силами этого дискурса.

Итак, анализ дискурса должен дать характеристику того, как, в контексте взаимодействия людей, направленного на достижение каких-либо целей, коммуниканты интерпретируют речь и действия: является ли такое обращение к интерпретации взаимным - как в случае разговора -- или невзаимным, когда мы читаем или пишем. Но в любом случае процесс этот интерактивен, предполагает взаимодействие людей. Такая задача заставляет выявить связность текста.

Тексты издавна привлекали внимание как особый объект изучения. Изначально это касалось сакральных текстов, играющих центральную роль во всех крупнейших религиях. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности юридические и литературные. С конца 19 в. тексты стали предметом пристального внимания этнологов. Однако текст как структура становится объектом специального интереса, по-видимому, лишь в 19-20 вв.

Текст является объектом, как литературоведения, так и языкознания. Лингвистика текста, или текстовой анализ, как часть семиотики текста простирается от простого межфразового синтаксиса до сложного анализа текстовых миров и межличностного общения. Главной проблемой, стоящей перед семиотикой текста, является определение и функционирование вымысла как человеческой семиотической, - в частности, и интерпретативной, - деятельности.

По мнению многих ученых, лингвистика текста - явление скорее европейское в том, что касается преобладающих форм проявления интереса к тексту. В континентальной Европе лингвистика текста считается не просто поворотом в сторону употребления языка, но истинной альтернативой для всего предшествовавшего теоретизирования.

К созданию лингвистики текста подтолкнуло предположение, что понятие грамматичности не абсолютно, а относительно: адекватная

грамматика должна формулировать правила и ограничения (фильтры), определяющие, как структура предложений зависит от структуры предшествующего и последующего текста. А так как дискурс многие считают частью контекста, грамматика текста, возможно, была эквивалентна - по крайней мере, частично, - «грамматике контекста» и могла бы быть к ней сведена.

Влившись в общее языкознание, «лингвистика текста» стала напоминать скорее новый облик текстологии - дисциплины столь же древней, сколь и респектабельной, заслуженно почитаемой. Текстология - наука о тексте, в рамках которой различаются два направления:

- 1) описание внутренних свойств текста, текста как такового,
- 2) выяснение места текста в социальном контексте, т. е. выявление внешних функций текста.

Описание текста как такового обладает, как минимум, тремя аспектами: просодией, риторикой (или стилистикой) и нарратологией. Последняя связана с выявлением отношений внутри содержания текста.

«Текстоведение» - область исследования, в центре внимания которого вопрос об отношении между формой и функцией текстов. Анализируя текст, человек имеет дело со смыслами высказываний (под углом зрения их создания) и с самими языковыми формами. Исследуя же функцию текста, затрагивают не одну языковую форму, а еще и вопрос о том, каким эффектом эта форма обладает. Продуцирование текста при этом рассматривается как форма действия.

В то же время, привлечение категории текста в грамматическое описание оказалось весьма плодотворным для решения чисто грамматических задач. Например, «текстовая теория падежа» позволяет рассмотреть явления, не поддающиеся объяснению в рамках отдельно взятого предложения.

Таким образом, данная наука является на сегодняшний день одной из передовых областей языкознания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. - Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.- М., 1981
3. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. - Л., 1982
4. Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982
5. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. - М., 1978

МЕСТО ФРИЛАНСЕРА НА РЫНКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УСЛУГ

Г.Г. Нурушева

АФ ВПО Университет Российской Академии Образования
г. Астрахань, Россия

В России рынок услуг по переводу с иностранных языков до сих пор остаётся одним из самых «непредсказуемых». В отличие от ряда других рынков данный рынок характеризуется небольшой активностью. Это объясняется различием стоимости готового перевода и проблемой формирования клиентской базы. Однако, несмотря на все трудности, мы наблюдаем тенденцию к востребованности качественных переводов. Среди наиболее значимых причин динамичного развития рынка переводов выделяют развитие мировой торговли и выход компаний на новые рынки, развитие рынка высоких технологий, а это, в свою очередь, требует наличие высококлассных, квалифицированных специалистов.

В западных странах подобный рынок услуг является одним из самых динамичных и высокоразвитых. Это объясняется тем, что там агентства переводов стараются работать только в конкретном сегменте рынка, например, перевод медицинских, юридических, финансовых текстов, а новые агентства осваивают новые сферы: экологию, пищевую промышленность, туризм и т.д. В России же многие бюро переводов часто вынуждены браться за любые заказы, поскольку им необходимо выжить в весьма тяжёлых условиях рыночной экономики.

Если рассматривать все сегменты рынка переводов, то самым значительным является сегмент письменного перевода юридических и медицинских тематик – более 45%. Второй по объёму – устный и последовательный перевод – 20%, далее следует письменный перевод научно-технической литературы и документации – 10%, синхронный перевод – 5%. На остальные 10% приходится перевод художественной и научно-популярной литературы, аудиоматериалов, дублирование фильмов, телефонных переговоров и т.д.

Самые крупные переводческие центры находятся в Москве и Санкт-Петербурге. Почти в каждом областном центре работает несколько десятков небольших бюро, существующих, чаще всего, при нотариальной конторе, и здесь расценки на перевод намного ниже столичных. Однако этот бизнес лёгким назвать очень трудно, и средняя рентабельность фирмы обычно не превышает 30-35%. Многие фирмы серьёзно задумываются о том, как поднять имидж профессии переводчика. К сожалению, часто работа переводчика воспринимается как обычный сервис, а ведь перевод – это не просто сервис и не просто услуга, а прежде всего – высокоинтеллектуальный труд.

Фрилансер (англ. *freelancer* — вольный копейщик, свободный копыносец, наёмник, т.е. человек, не состоящий ни у кого на службе, работающий сам на себя, на свой страх и риск) — человек, выполняющий

работу без заключения долговременного договора с работодателем, нанимаемый только для выполнения определённого перечня работ (внештатный работник). Также фрилансером является работник, приглашенный для выполнения работ в ходе аутстаффинга. Будучи вне постоянного штата какой-либо компании, фрилансер может одновременно выполнять заказы для разных клиентов. Термин фрилансер впервые употребляется Вальтером Скоттом в романе «Айвенго» для описания «средневекового наёмного воина».

Фрилансер чаще всего сам предлагает свои услуги — через Интернет, газетные объявления или посредством личных связей. Фриланс — это удаленная работа, суть которой заключается в том, что некая особа или фирма нанимает себе на выполнение определенной задачи или на постоянную работу человека, который может находиться в другом городе или даже в другой стране. Широкое распространение фриланс получил с развитием интернета: сеть и сопутствующие информационные и банковские технологии позволили некоторым категориям работников уменьшить частоту появления в офисах, а то и полностью перейти на домашнюю/удаленную работу. В настоящее время в интернете сформировалась устойчивая прослойка фрилансеров, зарабатывающих себе на жизнь удаленной работой. Фриланс распространён среди дизайнеров, программистов, оптимизаторов, копирайтеров, переводчиков, участников партнёрских программ, инженеров-проектировщиков. Действует множество специализированных сайтов, призванных помочь фрилансерам найти очередной заказ.

По данным специалистов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и интернет-портала Free-lance.ru трудовые ценности фрилансеров существенно отличаются от штатных работников. Так, например, всех переводчиков-фрилансеров можно разделить на «чистых фрилансеров» и «совместителей». Если же рассматривать ярко выраженные профессиональные различия, то можно увидеть, что написанием текстов и переводами чаще занимаются женщины.

Для фрилансеров менее важна материальная мотивация, зато их больше привлекает творческая работа, на которой есть возможность проявлять инициативу и достигать определенных результатов, утверждают исследователи. Среди причин прихода во фриланс чаще всего указывают не только потребность в дополнительном заработке, но и добровольное решение, основанное на личном желании (превращение хобби в оплачиваемую работу, стремление получить профессиональный опыт, стремление расстаться с традиционной работой в организации, изначальная ориентация на свободную занятость). Такие факторы, как гибкий график, возможность работать дома и возможность самому выбирать себе проекты по душе являются наиболее привлекательной составляющей удаленной работы.

Таким образом, тысячи свободных переводчиков (фрилансеров), наряду со специализированными организациями, формируют рынок поставщиков переводческих услуг. Отечественный рынок переводов стал

цивилизированным, а его потенциал еще не освоен до конца. Сейчас рынок развивается крайне быстро по сравнению с мировыми показателями, - и имеет гораздо больший потенциал роста. В ближайшие годы стоит ожидать освоения емкости рынка новыми игроками, а также увеличения переводческих проектов международного и государственного уровня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шереминская Л.Г. Настольная книга переводчика/Л.Г. Шереминская. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. -252 с.
2. “The Russia Corporate World”. Июнь 2008.
3. langinfo.ru
4. wikipedia.org

КОГНИТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ, ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

В.Г. Семенова

ФГБОУ ВПО Таганрогский государственный
педагогический институт имени А.П. Чехова
г. Таганрог, Россия

Язык играет важную роль в процессе познания мира. Изучение языковых форм будет неполным без обращения к когнитивным структурам. В основе данного исследования находится положение о теснейшей взаимосвязи когнитивных и языковых категорий.

История изучения когниции начинается, возможно, с того самого момента, когда человек задумался о причинах индивидуального своеобразия собственного существования, или бытия. В это время и возникают проблемы сознания (души) и той роли, которую чувства и разум играют в процессе познания. Поэтому уже Аристотель с полным правом мог написать: “Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы” [Аристотель 1975: 371].

В настоящее время исследование когниции приобретает все более широкий характер. В связи с этим весьма примечательным является то обстоятельство, что сфера применения этого понятия настолько широка, что в различных областях знания когниция считается понятием междисциплинарным, входящим в категориальный аппарат философии, психологии, биологии и ряда других научных дисциплин, в том числе лингвистики. На этом основании несколько десятилетий тому назад был введен термин «когнитивная наука» для того, чтобы подчеркнуть его комплексность.

Когнитивная наука – и в этом ее отличие от других областей знания о человеке – ставит своей целью не просто изучение поведения путем формулировки своих гипотез в терминах стимулов, навыков, реакций, как это делают, например, бихевиористы, а исследование феномена знания “во всех аспектах его получения, хранения, переработки и т.п., в связи с чем главными проблемами когнитивной науки считаются вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует” [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 58]. Вторжение в науку нового направления потребовало пересмотра традиционных воззрений на природу человека, а поэтому когнитивный анализ стал перспективным методом в познании специфики когниции. Известно, что не существует отдельной, специальной науки о человеке, поэтому все ощутимее становится необходимость объединения наук о человеке в единую систему. В этой связи в настоящее время особое значение приобретают вопросы интеграции научных знаний в плане синтеза естественных, общественных и технических наук. Соответственно отчетливее предстает и «конечная» цель – познание сущности человека, которая уже сегодня не только не выступает в качестве некой неразрешимой загадки, но оказывается конкретно реализуемой задачей.

Как и любая наука, когнитивная наука имеет свою историю и предысторию. Предыстория, надо заметить, формально весьма краткая, оказывается столь же древней, как и само человечество. Когнитивная наука – сравнительно молодая наука, однако проблемы, которые сегодня ставятся в ней, отнюдь не новы. Так или иначе, но процессы познания, восприятия мира получили наибольшее распространение в таких науках, как философия, логика, психология. Поэтому споры о подчиненности этой науки другим, «более важным» наукам, которые издавна занимались проблемами возможностей познания, отношения знаний к реальности и т.п., имеют место и на сегодняшний день. Одна из возможных причин такого положения дел, на наш взгляд, – неоднозначность, полисемантичесность самого термина «когниция», являющегося трудным для русского перевода. Слово *cognition* в переводе с английского означает «познание», *cognitive* – «относящийся к познанию», глагол *to cognize* – «постигать», «познавать», «узнавать», «понимать». Однако трудность состоит не только в том, что «когнитивный» может означать «интеллектуальный», «ментальный», «рассудочный» в противовес эмоциональному, но и «относящийся к постижению мира умом человека», а в более расширенном толковании – понятие «*cognition*», содержание которого называет как процесс достижения знаний – познание, так и его результат – само знание. Все это говорит о том, что когниции приписываются самые различные функции и дается весьма разностороннее толкование природы этого важнейшего понятия когнитивной науки.

Большинство современных исследователей, размышляя над природой когниции, склоняются сегодня к тому, что этот феномен, образующий сферу психической реальности, “обозначает познавательный процесс или же

совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком” [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 81]. Довольно распространенной является также точка зрения, согласно которой когниция – “вычисления (computation),” особый случай обработки информации в символах, который заключается “в ее преобразовании и трансформации из одного вида в другой – в другом коде, в иной структуризации, что и переводит когницию в иную плоскость, связывая ее изучение с вопросами о том, какие именно типы информации перерабатываются разумом (mind), в каких типах процессов это происходит, с какими средствами передачи информации это сопряжено и, наконец, с вопросом о том, какой из типов информации (знаковый, символический, индексальный, иконический и т.п.) оказывается при этом самым главным” [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 82].

Попытаемся осмыслить и конкретизировать эти определения, тем более что попыток определить это понятие сделано немало, но все они, как нетрудно заметить, не совсем согласуются друг с другом. Вследствие этого когниция относится к числу трудноопределяемых понятий. Наряду с распространенным пониманием когнитивного феномена как познавательного процесса, возникает объяснение когниции как представляющей собой некое вычисление (computation) в контексте изучения особенностей переработки информации человеком.

Что касается первого определения, считаем, что такое понимание когниции предполагает очень широкий спектр понятий, каждое из которых скрывает за собой целые цепочки других понятий или суждений, и каждое из них соотносится с вещами, процессами и обстоятельствами окружающего нас мира. По всей очевидности, отношения между этими понятиями можно выразить посредством цепочки «восприятие – наблюдение – категоризация – обработка – переработка информации», которая призвана иллюстрировать тот факт, что когниция существует не сама по себе, а в предметно-практической и теоретико-познавательной деятельности человека. Наиболее общим понятием когниции, лежащим в основе другого определения, является понятие символа. По мнению В.Л. Рабиновича, символ – “... живой знак вещи, но и ее отвлеченная идейная образность; но такой знак, который никак не связан с непосредственным единичным содержанием, зато указывающий на самобытность вещи. Опять – выход в мир самоценных вещей, в удвоениях–подобиях не нуждающихся. Символ вещи есть взаимопронизанность означаемой вещи и означающего ее образа” [Рабинович 1991: 67].

Из этих определений следует, что когниция обладает сложной системной организацией и включает в себя не только такие ментальные процессы, как знание, сознание, разум, мышление, представление,

творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты, но и организацию моторики, восприятие, воспоминание, мысленные образы, внимание и узнавание, а также мимезис. Именно эти процессы определяют собой когнитивную специфику изучения человека. Все определения когниции имеют дело с единой проблемой: анализом когниции как специфически человеческой формы регуляции взаимодействия человека с действительностью. Эта форма характеризуется выделением человека как своеобразной реальности, как носителя особых способов взаимодействия с окружающим миром, включая управление им. И еще одно обстоятельство, на котором хотелось бы остановиться. Думаем, когда говорят, что когниция есть обработка информации, то не столько определяют ее, сколько указывают на одно из ее свойств. Считаем поэтому, что когницию нельзя отождествлять с процессом обработки информации, потому что она ведь имеет и онтологический, и социальный аспекты.

Что же касается самого понятия «когниция», то его анализ ставит нас перед необходимостью определить свою позицию в терминологических разночтениях, характеризующих научные исследования в этой области. Под когницией в широком смысле мы понимаем определенную степень развития способности познания, что достигается путем овладения знаниями, помогающими всё более глубоко и всесторонне, а тем самым адекватно отражать вечно развивающийся мир. Предложенное нами определение когниции отнюдь не вступает в противоречие с рассмотренными ранее дефинициями. Считаем, что оценка целесообразности использованных определений будет зависеть от того, в какой мере они окажутся способными служить методологической основой для дальнейших исследований, могущих либо опровергнуть их, либо конкретизировать и развить дальше. Важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается.

Обсуждая вопрос о месте лингвистики в познании, важно отметить, говоря словами Г. Хармана, что «язык является главным топиком когнитивной науки. Частично это связано с тем, что язык отражает познание в качестве главного средства выражения мысли, так что изучение языка – это некий косвенный путь изучения познания. Возможно также, что язык оказывает влияние на познание, воздействуя на то, какими понятиями обладают он или она и какие мысли придут в голову ей или ему» [Кубрякова 1994: 41]. Речь же, как реализация языковой системы, позволяет вскрыть закономерности процесса познания конкретными носителями языка.

Включение в сферу когнитивной науки лингвистики, как мы полагаем, определяется рядом критериев. Главный из них – значение полученных выводов в этой области. Еще одной предпосылкой включения лингвистики в состав когнитивной науки является стремительное восхождение ее на передовые рубежи научного познания. Немалое значение имеет и такой внешний и формальный критерий, как выделение в самостоятельную

научную дисциплину когнитивной лингвистики. По сути говоря, в современных условиях вновь остро зазвучал вопрос о границах лингвистики.

Центральная задача когнитивной лингвистики “состоит в описании и объяснении языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей” [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53]. Эта задача отнюдь не противопоставляется общим принципам, но она имеет специфическую форму, связанную с необходимостью учета особенностей объекта. Когнитивная лингвистика выдвигает многие новые проблемы или по-новому ставит проблемы традиционные. Возрастает также ее социальная значимость, усиливается связь с жизнью общества и отдельного человека. Остается только добавить, что знаковую, или символическую, функцию тот или иной материальный предмет может выполнять только в определенной культуре. То, что для людей определенного общества, определенной культуры заключает в себе известный им смысл, известное им символическое значение, воспринимается людьми, не принадлежащими к данному обществу или культуре, как обычный материальный предмет с обычными пространственными, цветовыми и т.п. свойствами. В языковой картине мира содержится большая информация о системе ценностей народа. Как отмечал Э. Сепир, «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Сепир 1993: 193]. Таким образом, при любых воздействиях на сознание и поведение людей в процессе общения язык играет фундаментальную роль.

Уже давно доказано, что между различными языками имеются семантические расхождения, которые достаточно хорошо описаны представителями неогумбольдтианского языкознания. Они пришли к выводу о том, что язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании. В этой связи, люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создавая различные картины мира. Известны семантические различия между языками в области обозначения цветов, времени суток, пространства, температуры и пр. Так, например, во многих европейских странах *утро* – отрезок времени от 12 часов ночи до 12 часов дня, тогда как в русском языке в значении слова *утро* отражен переход от темного времени к светлому. Все эти факты хорошо иллюстрируют неразрывную связь языка народа и его культуры.

Внутренняя форма слов, называющих в разных языках одно и то же явление, может в той или иной мере различаться, отражая национальное видение реалии. Маленькую птицу с красным оперением на груди русские люди называли снегирем по признаку ее появления вместе со снегом. Сербь, поименовав птичку *зимовка*, подчеркнули более общий признак – зиму вообще. Немцы обратили внимание на то, как снегирь передвигается по земле, и назвали его *попрыгунчик*. Иное свойство птицы привлекло внимание

французов. Они дали ей имя *пастушок*: говорят, что снегири часто следуют за стадами. В другом французском наименовании снегиря, восходящем к названию пиона, был отмечен цвет его оперения. Тот же признак был положен в основу научного латинского наименования птички – огненного цвета, красный.

Английское *blue* охватывает гораздо больший спектр цвета, чем русские цветоименования *синий* и *голубой* в отдельности. Этот цветовой термин может уточняться с помощью слов-конкретизаторов *dark* и *light*, обозначающих интенсивность цвета. О.А Корнилов отмечает, что англ. *blue* не = *синий*, *blue* не = *голубой*, а *blue* = *синий* + *голубой*, что связано с различной категоризацией чувственного опыта в английском и русском языках [Корнилов 2003: 58]. В русском и английском языках *blue* / *синий*, *голубой* имеет референциальную соотнесенность с небом и морем. Общими для двух языков выражениями являются *синий чулок* (*a blue blue stocking*), *синяя борода* (*blue-beard*) и *голубая кровь* (*a blue blood*). В отличие от русского, английское *a blue* ассоциируется с концептами *благородство*, *честь* и *преданность*. Однако использование названий этих цветов имеет свою специфику в русском и английском языках (ср. *True blue will never stain* – *Благородство всегда останется благородством*; *the blues* – *состояние меланхолии, депрессии*). Кроме того, А. Вежбицкая замечает, что между соответствующим словом и концептом «небо» имеется сильная эмоциональная связь. Прилагательное *голубой*, как известно, произошло от слова *голубь* и первоначально обозначало цвет шейки этой птицы. Однако тот факт, что русское слово *голубой* этимологически восходит к названию голубя, не означает, что рассматриваемые связи прослеживаются и на синхронном срезе, поскольку для современного носителя русского языка слово *голубой* отчетливо ассоциируется с цветом неба, а не с цветом оперения *голубя*. Поэтому в настоящее время слово *голубь* перестало восприниматься как однокоренное со словом *голубой*, значение которого уже не может быть мотивировано соответствующим производящим, потому что оно потеряло живую связь с однокоренным производящим. Причины такой специфичности кроются в самой обозначаемой действительности. Спектр цвета, как известно, сам организован как некий диффузный континуум, границы в котором можно установить лишь условно.

В этой связи в языке отчетливо отражаются культурные различия, что создает трудности при изучении иностранного языка и при переводе – в особенности. В настоящее время многие ученые достаточно активно проводят исследования по сопоставлению концептуальных сфер, которые показывают, что существуют фрагменты картин мира, которые были бы особенно полезны при анализе различных культур: они оказываются лексически воплощенными во всех языках мира. Эти фрагменты позволяют нам говорить о духовном единстве человечества, несмотря на разнообразие языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1975. Т. 2.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
4. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
5. Рабинович В.Л. Исповедь Книгочехя, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991.
6. Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

РОЛЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА АУДИРОВАНИЯ (из опыта работы)

Н. В. Сергиенко

ГБОУ ВПО “Алтайская Государственная Педагогическая Академия”
Алтайский край, г. Барнаул, Россия

Овладение иностранным языком предполагает формирование навыков, основным из которых является говорение. Однако говорение, само по себе, ради себя, невозможно, т.к. оно бесцельно. Коммуникативный акт предполагает наличие, как минимум, двух участников, где один говорит, а второй слушает, поочередно обмениваясь ролями. Так, в единстве, аудирование и говорение образуют акт устного общения. Аудирование всегда сопровождает говорение, оно является производным в процессе коммуникации. Поэтому развитие навыка аудирования как вида речевой деятельности является одной из важных задач обучения иностранному языку.

Несмотря на то, что в настоящее время нет недостатка ни в аудио носителях, ни в элементарной технической поддержке – аудирование остается на периферии процесса преподавания иностранного языка. Очевидно, что обучение аудированию для учащегося начинается с речи учителя, который делает установки к заданиям, задаёт вопросы, высказывает просьбы к учащимся на преподаваемом языке. Кроме того, ответы и высказывания учащихся предъявляются на изучаемом языке, что позволяет формировать не только навык говорения, но и навык аудирования. Необходимо заметить, что использование аудио-видео носителей также является обязательным условием при обучении аудированию.

Аудирование на уроке имеет большое значение, однако, в своей профессиональной деятельности, последние несколько лет я делаю акцент на самостоятельной работе учащихся над аудированием во внеаудиторное

время, т.к. процесс восприятия аудиотекста у каждого учащегося индивидуален. Индивидуальные способности и возможности учащихся отличаются: во-первых, степенью развитости памяти, мышления, речевого слуха; во-вторых, речевым опытом, связанным с изучаемым языком, в-третьих, фоновыми знаниями, в-четвертых, уровнем сформированности языковых компетенций. Кроме того, существуют языковые явления из области грамматики, лексики, фонетики английского языка, которые либо отсутствуют в родном языке, либо существенно отличаются, и которые влияют на степень понимания прослушанного текста. Основными из них являются:

1. В области грамматики:

- омонимичность грамматических форм в английском языке;
- наличие аналитических форм, не свойственных родному языку;
- синтаксические связи английского языка, отличные от синтаксических связей в русском языке.

2. В области лексики:

- употребление в звучащем тексте слов в переносном или дополнительном значении;
- использование фразеологических оборотов, идиом, поговорок, устойчивых выражений;
- наличие в тексте многозначных слов, паронимов, синонимов, антонимов, омонимов.

3. В области фонетики:

- наличие в английском языке звуков, которые отсутствуют в родном языке, и неправильное произнесение которых влияет на изменение лексической единицы;
- связь интонационного рисунка высказывания на английском языке с объективно-субъективными факторами и его влияние на слушателя.

Исходя из индивидуальных особенностей учащихся, знаний, умений и сформированных навыков, условия восприятия аудиотекстов и успешность аудирования могут варьироваться, особенно на раннем этапе, на уровне освоения и совершенствования умений. Поскольку на начальном этапе обучения количество предъявлений одного и того же речевого сообщения может варьироваться от 2 до 5 раз и более, а аудиторное занятие строго ограничено временными рамками, то аудирование вне аудитории становится необходимым при закреплении умений и формирования навыка аудирования.

Обучение в 10 специализированном английском классе Алтайского краевого педагогического лицея (АКПЛ) начинается с коррекции у учащихся навыков произнесения английских звуков и интонационно грамотного оформления высказывания. Основным пособием в данном случае служит

“English Pronunciation in Use” [Hancock 2003]. Помимо отработки тех или иных звуков, интонационных рисунков, пособие способствует формированию элементарных умений аудирования: на уровне слова, предложения, мини-диалога, мини-текста. В пособии представлены не только упражнения для тренировки произношения, которые требуют от учащихся воспроизведения услышанного предложения или мини-текста, но и задания, связанные с извлечением какой-либо информации, которые способствуют развитию навыка аудирования, например:

- Из ряда предложений укажите на то, которое было произнесено.
- Прослушав диалог, заполните пропуски в тексте диалога.
- Прослушав мини-текст, выберите слова, использованные в тексте.
- Внесите необходимые исправления в текст. Проверьте правильность внесенных изменений, прослушав текст.

Навык аудирования формируется в процессе работы с разными видами материалов для прослушивания и, в первую очередь, со специально составленными текстами, предназначенными для развития этого навыка, поэтому в своей работе с десятиклассниками я использую пособие “Tactics for Listening” [London 2004], которое рассчитано на разноуровневое владение английским языком: от начинающего до продвинутого уровня. Тексты, предъявляемые в пособии, являются описательными, повествовательными, диалогическими. Они содержат занимательную фабулу, близки интересам учащихся, в основном отражают ежедневные, знакомые ситуации, что может способствовать успешности аудирования. На этом этапе выбор пособия ‘Tactics for Listening. Expanding’ является весьма оправданным, поскольку в нём предлагаются различные виды упражнений на фрагментарное, общее и детальное понимание прослушанного, которые способны мотивировать учащихся, вызвать у них интерес к аудированию. Основными видами упражнений в пособии являются:

- Множественный выбор;
- Выявление истинности/ложности высказывание;
- Установление соответствия высказывания говорящему;
- Установление хронологической последовательности действий, событий, явлений.

Методика предъявления заданий для внеаудиторного аудирования варьируется. Во-первых, учащиеся выполняют задания самостоятельно, имея визуальную опору. Во-вторых, визуальная опора для задания не выдается учащимся, а им предлагается во внеаудиторное время прослушать текст до максимально возможного понимания предлагаемой информации и дается задание на выявление общего понимания прослушанного. На уроке выдается текст задания и аудиотекст, прослушанный во внеаудиторное время, воспроизводится один раз. В-третьих, ранее прослушанные во внеаудиторное время тексты предъявляются повторно, но с изменением заданий, формулировок.

На начальном этапе формирования навыка аудирования, с целью стимулирования и поддержания интереса к данному виду деятельности, за выполненные учащимися задания не выставляются отметки. Далее, учащиеся вовлекаются в процесс оценивания своих работ: они отмечают, что удалось, а что нет, и почему. И на более позднем этапе, когда аудирование становится привычным видом деятельности, начинают выставляться отметки и вместе с учащимися комментируются слабые и сильные стороны процесса.

Работа по формированию и развитию навыка аудирования у учащихся проводится последовательно и основательно в течение всего периода их обучения иностранному языку, аудирование как вид речевой деятельности отрабатывается в аудиторное и внеаудиторное время, что позволяет обеспечить комплексный подход при формировании данного навыка. По мере приобретения навыка и усовершенствования умений аудирования, уровень и сложность предъявляемых текстов возрастает. Кроме упомянутых ранее пособий, в своей практике я использую следующие ресурсы и учебные комплексы для развития и закрепления приобретенного навыка: Across Cultures, First Certificate Star, Ready for FCE, Practice Exam Papers, Practice Tests for the Russian State Exam, Ресурсы интернет - 'BBC Learning English', 'Voice of America Special English'. Важную роль при отборе материала для внеаудиторного аудирования играет многообразие тематики, которая переплетается с жизненным опытом учащихся, разнообразие типов аудио-текстов и видов заданий, и качество формулирования установок, что позволяет максимально снизить возможные трудности в аудировании.

Итак, использование самостоятельной работы при формировании навыка аудирования позволяет учитывать индивидуальные особенности учащихся, сформированные у них умения и навыки, языковые компетенции. Внеаудиторное аудирование является мотивирующим для учащихся, т.к. учащиеся могут прослушивать текст несколько раз, во время прослушивания делать паузы, повторно прослушивать один и тот же фрагмент, обращаться к справочнику или словарю, - все это позволяет учащимся убедиться в своей компетентности при выполнении заданий на аудирование, чувствовать себя увереннее при аудировании в аудиторное время, вызвать интерес к прослушиванию аудиоматериалов, не связанных напрямую с учебной деятельностью.

Кроме этого, самостоятельная работа приучает учащихся рационально использовать время, способствует развитию памяти, мышления, речевого слуха, вырабатывает привычку работать систематически и продуктивно, ведёт к формированию сознательного отношения к процессу обучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Afanasyeva, O. Practice Exam Papers for the Russian National Exam / O. Afanasyeva, V. Evans, V. Kopylova. – Newbury: Express Publishing – Centercom, 2004. – 132 p.

2. Hancock, M. English Pronunciation in Use / M. Hancock. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 200 p.
3. Klekovkina, E. Practice Tests for the Russian State Exam / E. Klekovkina, M. Mann, S. Taylore-Knowles. – Oxford: Macmillan Education, 2006. – 248 p.
4. London, A. Tactics for Listening (Expanding) / A. London, J. C. Richards. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 40 p.
5. Norris, R. Ready for FCE / R. Norris. – Oxford: Macmillan Education, 2004. – 236 p.
6. Prodromou, L. First Certificate Star / L. Prodromou. – Oxford: Macmillan Heinemann English Language Teaching, 2003. – 140 p.
7. Sharman, E. Across Cultures / E. Sharman. – Essex: Pearson Education Limited, 2004. – 160 p.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В РОМАНЕ Р. ЧАНДЛЕРА “FAREWELL MY LOVELY”

Н.Г.Смирнова

ФГБОУ ВПО Ставропольский технологический институт сервиса (филиал)
«ЮРГУЭС»

Известно, что фонационные паралингвистические средства выступают структурообразующими компонентами речевой деятельности и чрезвычайно важны для процесса коммуникации, т.к. с их помощью происходит формирование коммуникативной направленности высказывания, передаётся большой процент информации, выражается эмоциональное состояние говорящего; эти средства отражают психологию и логику общения коммуникантов, в нашем случае – героев романа Р. Чандлера «Farewell My Lovely». Паралингвистическое сопровождение необходимо, чтобы речевое сообщение стало фактом коммуникации, осуществилось прагматическое воздействие на адресата. Словом передаётся логическая информация, интонацией и пр. – эмоциональная.

Передача смысловых и эмоциональных нюансов осуществляется с помощью интонации, модуляции голоса, ритма и темпа речи, силы звука, дикции, а также воспринимаемых слухом дыхания либо паузации, т.е. просодических характеристик звучащей речи. Звуко-интонационные голосовые сигналы чрезвычайно важны для выражения мыслей и чувств. Очевидно, что писатель, стараясь создать как можно более яркий, более живой образ, не может игнорировать эту составляющую, поэтому интересно проследить, как автор решает эту задачу с точки зрения выбора лексики. В отсутствие этих средств текст теряет большую долю образности, характеристики героев лишаются глубины, становятся более поверхностными, изображаемый автором мир тускнеет.

В процессе анализа текста романа Р.Чандлера «Farewell My Lovely» выявляется большое количество фонационных компонентов в авторских квалификаторах речи персонажей. Р. Чандлер уделяет заметное внимание характеристикам голосов своих героев, их манеры говорить, интонациям, особенностям речи. Это существенный элемент текста, несущий значительную коммуникативную нагрузку, раскрывающий эмоциональное состояние персонажей и параллельно формирующий отношение читателя к ним. В художественном тексте Р. Чандлера речь персонажей богата оттенками, объёмна и слышима, усилиями автора создаётся эффект присутствия.

Для описания голосов героев, индивидуальных особенностей их речи писатель использует богатую эмоционально-окрашенную лексику, разнообразные глаголы говорения в сочетании со словами, номинирующими эмоциональное состояние говорящего. Важную роль в авторских квалификаторах речи персонажей играют голос и тон как способ выражения голосом чувств говорящего, его отношения к собеседнику либо предмету разговора. Жанровая специфика детектива обязательно предполагает игру коммуникантов голосами, богатство оттенков звучания; в то же время, нередко волевые усилия персонажей сохранить ровный тон, продемонстрировать многозначительное молчание.

Описание голоса в художественном дискурсе Р. Чандлера выражает негативное либо позитивное отношение персонажа к ситуации, его застенчивость, развязность, растерянность, гнев, страх, подавленность, жалость, радость, неуверенность, высокомерие. Р.Чандлер фиксирует и подчёркивает на языковом уровне такие фонационные характеристики как высоту тона, интенсивность произнесения, темп речи, смех, шёпот, завывание, плач, храпение, междометия, невразумительные звуки.

Герои романа *кричат, орут, хнычут, ноют, огрызаются, вопят, завывают, бубнят, мурлычут, шепчут, воркуют, чеканят слова, скандируют, бурчат.* «Озвучивая» своих персонажей, Р.Чандлер использует глаголы *purr, yell, whisper, grumble, chant, drone on, croak, whine, snarl, growl, gulp*, а также глагольные словосочетания *raise (lower) one's voice, breath the words, lift one's voice.*

"Don't say that, pal," the big man *purred* softly, like four tigers after dinner. [Chandler 2010:3] [здесь и далее текст цитируется по электронному изданию романа Р.Чандлера в связи с его широкой доступностью в сравнении с печатными версиями – Н.С.].

"All right," I *yelled*. [Chandler 2010:3]

I *croaked* that it was. [Chandler 2010:3]

Velma you say?" the barman *whined*. [Chandler 2010:6]

"Shine box," he *said angrily, under his breath*. He raised his voice. [Chandler 2010:5]

I held the dead phone and *snarled* into it. [Chandler 2010:36]

"Moose? The Moose? What about him?" she *gulped*. [Chandler 2010:26]

After a moment he went on *grumbling*. [Chandler 2010:35]

He *lowered his voice four or five notches* and added "What was the name again?" [Chandler 2010:17]

She *breathed the words, hushedly*. [Chandler 2010:74]

"Hot doggies," he *chanted*. [Chandler 2010:198]

The hot dog man *droned on*: "Get hungry, folks, get hungry. Nice hot doggies. Get hungry." [Chandler 2010:197]

Голос и манера говорить персонажа описывается автором сочетанием слова *voice* с определителями соответствующей семантики. Герои Чандлера говорят *громко, тихо, вежливо, мягко, терпеливо, печально, злобно, угрюмо, высокомерно, свирепо, прохладно, холодно, ледяным тоном, развязно, манерно растягивая слова, мечтательно, деликатно, устало, миролюбиво, грубо, небрежно, напряжённо, нервно, беспокойно, взволнованно, невозмутимо, убеждённо, резко, задумчиво, беззлобно, твёрдо, язвительно, нежно, мрачно, сонно, грустно, безучастно, беззаботно, сухо, приветливо, подозрительно, спокойно, надменно, философски, возбуждённо*. Тембр голоса характеризуется как *глубокий, грудной, сдавленный, приглушённый, хриплый, глухой, приятный, тяжёлый, (deep, heavy, cool, chested, supercilious, hushed, taut, clogged)*:

He *spoke softly* again. "Velma you say? [Chandler 2010:5]

"Little Velma used to work here," he *said gently*. [Chandler 2010:3]

"I ain't seen Velma in eight years," *he said in his deep sad voice*". [Chandler 2010:3]

Her *titter contained a loose alcoholic overtone*. [Chandler 2010:21]

"Trouble, brother," the clerk *said in a high sonorous voice*, "is something we are fresh out of." [Chandler 2010:17]

Her *heavy clogged voice said*... [Chandler 2010:20]

I heard *a cool, supercilious voice that sounded as if it thought it was pretty good*. It said *drawlingly*, after I had answered: "You are Philip Marlowe, a private detective?" [Chandler 2010:33]

His *cool supercilious voice* said: "Yes?" [Chandler 2010:38]

He said *coldly*: [Chandler 2010:39]

While I put the coat on, he went on *talking in a light nervous voice*. [Chandler 2010:47]

His *voice was hushed and taut*. [Chandler 2010:48]

"You shouldn't do that," she said *tensely*. [Chandler 2010:57]

"Say, didn't I see you before?" she asked suddenly, *a note of suspicion crawling around in her voice*. [Chandler 2010:88]

She began to laugh – a *highpitched* old woman's laugh. "April Fool's Day," she *tittered*. "Maybe she won't get it." [Chandler 2010:90]

He *lifted his voice* and began to intone in a *deep-chested sonorous boom*. [Chandler 2010:115]

"They take you to the cleaners," Randall said *indifferently*. [Chandler 2010:162]

"A little dust," he said *absently*. [Chandler 2010:163]

"Meet Mr. Philip Marlowe," the Chief said *genially*. "A private dick from L. A." [Chandler 2010:186]

"I wouldn't have an idea," he said in a far-off voice. [Chandler 2010:197]

"There was a mistake, as a matter of fact," the Chief said dreamily. [Chandler 2010:197]

His *voice was soft, dreamy, so delicate* for a big man that it was startling. [Chandler 2010:202]

Randall said *sharply*: "That's just sentimental". [Chandler 2010:241]

Anne Riordan said *thoughtfully*: "I'd like to be kissed, damn you!" [Chandler 2010:238]

"I hope she enjoyed sitting in yours," Anne Riordan said, *acidly*. [Chandler 2010:235]

"Is it?" The voice was *very, very cold now*. [Chandler 2010:230]

"So it's like that," she said *grimly*. [Chandler 2010:229]

"This won't buy you a thing," he said gravely. "You'll never get off the boat." [Chandler 2010:215]

I fought my way through a maid and the butler and finally heard her voice on the line. *She sounded breezy and well-primed* for the evening. [Chandler 2010:224]

Голос выражает физическое состояние или возраст говорящего:

"Go on up and see for yourself," I said, trying *to keep the agony out of my voice*. [Chandler 2010:3]

"I want to see Brunette," I said. *My voice sounded weak and frail, like an old lady's voice*. [Chandler 2010:201]

He had *a youngish* voice, not chewed out of marble. [Chandler 2010:215]

Голос выступает маркером состояния шока, страха, либо, напротив, спокойствия, уверенности, испытываемых говорящим.

"I'm afraid I don't like your manner," he *said, using the edge of his voice*. [Chandler 2010:41]

There was a *quaver in the voice, a nice little quaver*. Then *it hardened* again. [Chandler 2010:55]

I liked *the cool quiet of her voice*. [Chandler 2010:59]

The *voice had the cool hardness* of a cop who thinks he is good. [Chandler 2010:82]

При характеристике голосов героев в романе используются тропы, риторические фигуры. Знаменитый своими неожиданными метафорами, а также своеобразным юмором, Р.Чандлер достигает большой экспрессивности текста, находя яркие метафорические образы для описания голоса, манеры персонажа говорить. :

He *spoke almost dreamily, as if he was all by himself, out in the woods, picking johnny-jump-ups*. [Chandler 2010:5]

"Uh-huh," *the voice dragged itself out of her throat like a sick man getting out of bed*. [Chandler 2010:20]

I *put honey into my voice* and said... [Chandler 2010:34]

The *voice grew icicles*. [Chandler 2010:34]

His *voice sounded full of baked potato*. [Chandler 2010:34]

His *voice snapped at my back*. [Chandler 2010:41]

"Put it up--or I'll blow it out of your hand!" *I snarled*. My *voice sounded like somebody tearing slats off a chicken coop*. [Chandler 2010:55]

"Ah," *the voice got as cool as a cafeteria dinner*. [Chandler 2010:84]

It was a *high twangy voice, made for talking over an eight party line*. [Chandler 2010:87]

I left her laughing. *The sound was like a hen having hiccups*. [Chandler 2010:90]

Her *voice came from her mouth sounding like a worn-out phonograph record* [Chandler 2010:91]

"She likes you," Randall said, *like a polite FBI man in a movie, a little sad, but very manly*. [Chandler 2010:162]

Таким образом, анализ текста романа «Farewell My Lovely» показывает осознание автором важности использования квалификаторов речи персонажей как средства, обуславливающие апперцепционность восприятия читателя. Автор тщательно обдумывает темброво-интонационное поведение персонажей, голос и тон в романе Р.Чандлера действительно выступают инструментами эмоционального воздействия и согласования межличностных и социальных отношений между коммуникантами [Крейдлин 2000: 497-500]. Создавая мир своих героев, Р.Чандлер исходит из своей установкой на то, что "some voices stay in your mind. Even in the dark people are recognized" [Chandler 2010:66].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Крейдлин Г.Е. Голос и тон в языке и речи / Г.Е. Крейдлин // Язык о языке. под ред. Арутюновой Н.Д. – М.: Языки русской культуры. 2000. - с. 453 – 501
2. Chandler R. "Farewell, My Lovely" [Electronic resource] // The eMystery™ Weekly. Vol. II N. 7 – February 15, 2010.– URL: <http://www.themystery.com/archives/Weekly/Volume%20II/07-Farewell%20My%20Lovely.pdf> (дата обращения 27.11.2011).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Е.Н.Торопова

Астраханский государственный технический университет

г. Астрахань, Россия

В рамках коммуникативного подхода к преподаванию иностранного языка открывается новый взгляд на использование литературных источников

в обучении. Ограниченные рамками статьи, мы рассмотрим лишь некоторые моменты в перспективе использования литературного текста при обучении иностранному языку, в частности французскому.

Уже на раннем этапе обучения иностранному языку могут быть использованы диалоги, взятые из художественных текстов, как предлагают авторы статьи «Литературные диалоги для начинающих» [М. Карре и др., FDM, № 230]. Учебники для начинающих содержат, как правило, специальные, упрощенные тексты, разработанные согласно принципа перехода от простого к сложному. Однако, на наш взгляд, диалоги, взятые из художественного текста, могут быть использованы на начальном этапе в оригинале. Для обеспечения их эффективной работы преподаватель тщательным образом продумывает и выстраивает задания к диалогам на этом этапе.

Вследствие общности коммуникативных функций, к литературным текстам могут быть отнесены также слоганы и реклама, которые отличаются законченностью и сжатостью.

Оригинальные литературные тексты имеют ряд преимуществ перед специально разработанными и адаптированными:

- литературные тексты являются аутентичными документами, также как, например, статьи в прессе,
- произведения и их авторы известны обучающимся,
- отсутствие картинок и других аудио-визуальных эффектов предполагает обращение внимания студентов к языковому содержанию.

Литературный текст – аутентичный документ.

Литературный текст представляет собой документ, который должен быть прочитан и изучен в соответствии с нормами иноязычной культуры, ранее приобретенными студентами и их собственным подходом к рассмотрению различных аспектов литературного документа. Г.Бесс в книге «Дидактические элементы литературных документов» подчеркивает, что аутентичный документ отвечает следующим характеристикам:

- он не содержит никаких свидетельств того, что он может быть использован при обучении иностранному языку, он не адаптирован.
- представлен в сопровождении всех его исходных составляющих:

номер страницы, название статьи, статус и роль писателя и читателя, их лингвистическая и коммуникативная компетенции, временные и пространственные условия коммуникации.

Перед прочтением текста студенты получают коммуникативное задание. Степень оригинальности поставленной задачи особенно важна при работе с литературным текстом (грамматические задания в данном случае менее оригинальны, чем чтение).

Степень освоения документа иностранными студентами различна и зависит от нескольких факторов:

- Важно, чтобы студенты воспринимали и понимали документ как воплощение иностранной, чужой культуры и языка.

- Собственный опыт студентов неизбежно влияет на восприятие документа, равно как и структура их родного языка.

Эффективность использования аутентичных документов зависит от того, каким образом учтены вышеназванные критерии. Если проблема восприятия целостности документа осложнена лишь техническими трудностями, он может быть понят учащимися и без дополнительных разъяснений.

Если же литературный текст не сопровождается дополнительными разъяснениями, учащиеся основываются на собственном опыте при понимании прочитанного. В этом случае учащиеся и преподаватель сталкиваются с опасностью возникновения переводческого нивелирования, когда смысл прочитанного искажается полностью.

Для иллюстрации данного явления обратимся к отрывку из романа Луиса Сепульведа «Старик, который читал любовные романы».

Luis Sepulveda : *Le vieux qui lisait des romans d'amour*.

Après avoir mangé les crabes délicieux, le vieux nettoya méticuleusement son dentier et le rangea dans son mouchoir. Après quoi il débarrassa la table, jeta les restes par la fenêtre, ouvrit une bouteille de Frontera³ et choisit un roman.

La pluie qui l'entourait de toutes parts lui ménageait une intimité sans pareille. Le roman commençait bien.

"Paul lui donna un baiser ardent pendant que le gondolier complice des aventures de son ami faisait semblant de regarder ailleurs et que la gondole, garnie de coussins moelleux, glissait paisiblement sur les canaux venitiens."

Il lut la phrase à voix haute et plusieurs fois.

-Qu'est-ce que ça peut bien être, des gondoles ?

Ça glissait sur des canaux. Il devait s'agir de barques ou de pirogues. Quant à Paul, il était clair que ce n'était pas un individu recommandable, puisqu'il donnait un "baiser ardent" à la jeune fille en présence d'un ami, complice de surcroît.

Ce début lui plaisait.

Il était reconnaissant à l'auteur de désigner les méchants dès le départ. De cette manière, on évitait les malentendus et les sympathies non mérités.

Restait le baiser - quoi déjà ?- "ardent". Comment est-ce qu'on pouvait faire ça ?

Il se souvenait des rares fois où il avait donné un baiser à Dolores Encarnacion del Santissimo Sacramento Estupinan Otavalo⁴. Peut-être, sans qu'il s'en rende compte, l'un de ces baisers avait-il été ardent, comme celui de Paul dans le roman. En tous cas il n'y avait pas eu beaucoup de baisers, parce que sa femme répondait par des éclats de rire, ou alors elle disait que ça devait être un péché.

Un baiser ardent. Un baiser. Il avait découvert récemment qu'il n'en avait guère donné, et seulement à sa femme, car les Shuars⁵ ne connaissent pas le baiser.

³ Алкогольный напиток.

⁴ Жена старика умерла вскоре после свадьбы.

⁵ Речь идет об индейцах, живших в амазонских лесах. Старик хорошо знал их обычаи, так как долгое время жил среди них.

Il existe chez eux, entre hommes et femmes, des caresses sur tout le corps, sans se préoccuper de la présence de tiers. Même quand ils font l'amour, ils ne se donnent pas de baisers. La femme préfère s'accroupir sur l'homme, en affirmant que cette positions lui fait mieux sentir l'amour et que les anents⁶ qui accompagnent l'acte en sont d'autant plus puissants.

Non, chez les Shuars le baiser n'existe pas.

Il se souvenait aussi d'avoir vu, une fois, un chercheur d'or⁷ culbuter une femme jivaro⁸, une pauvre femme qui rodait chez les colons et les aventuriers en mendiant une gorgée d'aguardiente. Tous les hommes qui en avaient envie pouvaient l'emmener dans un coin et la posséder. Abrutie par l'alcool, la malheureuse ne se rendait pas compte de ce qu'on faisait d'elle. Cette fois-là, un aventurier l'avait prise sur la plage et avait cherché à coller sa bouche à la sienne.

La femme avait réagi comme un animal sauvage Elle avait fait rouler l'homme couché sur elle, lui avait lancé une poignée de sable dans les yeux et était allée ostensiblement vomir de dégout.

Si c'était cela, un baiser ardent, alors le Paul du roman n'était qu'un porc.

Quand arriva l'heure de la sieste, il avait lu environ quatre pages et réfléchi à leur propos, et il était préoccupé de ne pouvoir imaginer Venise en lui prêtant les caractères qu'il avait attribués à d'autres villes, également découvertes dans des romans.

A Venise, apparemment, les rues étaient inondées et les gens étaient obligés de se déplacer en gondoles.

Les gondoles. Le mot "gondole" avait fini par le séduire et il pensa que ce serait bien d'appeler ainsi sa pirogue. La Gondole du Nangaritza.

Le vieux qui lisait des romans d'amour,
Luis Sepulveda, *Metallie*, 1992, chapitre 6.

Этот текст представляет явление, названное Г. Бессом "Переводческое нивелирование". Когда читателю не хватает знаний, необходимых для понимания определенных элементов культуры, он, естественно, обращается к собственным знаниям и опыту для восполнения этого пробела. Это явление не редкость. Так, в приведенном тексте старик пытался определить, что означает "гондола": «это скользит по воде. Наверное, речь идет о лодках или пирогах». Его собственная реальность накладывается на реальность, воспроизведенную в романе. Старик сам ездит на пироге и живет у реки. Нужно ли говорить о том, что дополнительные культурные значения, свойственные гондолам такие как «романтика», «прогулки влюбленных», «город искусств» и т.д. не знакомы старику. Если же мы обратимся к другому примеру – "страстный поцелуй", то увидим, что в этом случае значение нивелируется полностью, когда для читателя, в данном случае старика индейца, поцелуй – грязный акт, унижающий человеческое достоинство. Таким образом, то, что западный читатель воспринимает не

6 Ритуальные песни сопровождают многие действия индейцев.

7 Действие романа происходит в Амазонии (Эквадор).

8 Так называют изгоев, перенявших привычки белых людей. В оригинале речь идет об испанском существительном (jibago означает дикий), которым завоеватели называли всех индейцев.

задумываясь как один из элементов, создающих романтическую атмосферу, старик никак с романтикой не ассоциирует.

При работе с литературным текстом первостепенное значение имеет подготовительный этап. В отсутствие разъяснений и толкований учащиеся обращаются к собственному опыту и знаниям.

Описанное нами явление присуще любому типу общения, так как общение с помощью слов, это, прежде всего обеспечение собеседника референциями, с помощью которых он определит в своем сознании предмет разговора.

Не существует, в буквальном смысле, передачи информации, а кодирование и распознавание информации с помощью кодов. Таким образом, при переводе иностранного аутентичного документа студенты используют собственные коды и реалии собственной жизни.

Как преодолеть переводческое нивелирование?

Сделать это можно тремя способами:

1) выбрать текст, который принадлежит к сфере опыта учащихся (что характерно для функционального и коммуникативного метода).

Однако в отношении литературных текстов этот способ не может быть применим. Здесь референции текста слишком размыты и коренятся в иностранной реальности, что не может создать основу для надежной коммуникации

2) преодолеть это явление с помощью определений, объяснений, предлагаемых учителем после раздачи текста. Недостатком в этом случае является первичное предъявление текста студентам преподавателем, а не собственное прочтение.

3) создать на занятии необходимые условия приема информации, до момента передачи документа студентам.

Вышеназванные способы направлены на сохранение определенной достоверности текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Besse H. Methodes et pratiques des manuels de langue, Paris, Ed. Dider/CREDIF, 1985, Coll.Essais.
2. Peytard J. Litterature et classe de langue. Collection LAL, CREDIF/Hatier, 1998.

АКТУАЛЬНОСТЬ РОБИНЗОНАДЫ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

А.И. Токтоналиева

АФ ВПО Университет Российской Академии Образования
г. Астрахань, Россия

Восемнадцатый век – время не только философии и эпохи Просвещения, но и великих исследовательских экспедиций и новых научных открытий: в физике, химии, естествознании. Мир предстал перед человеком в новом сложном ракурсе и для его освоения он нуждался в новых знаниях, для правильного преподнесения которых необходима была соответствующая литература. В свою очередь, философов, в связи с новыми течениями, волновали вопросы воспитания. Они уделяли большое внимание индивидууму, занявшему новое место в окружающей среде, его способности совершенствования, которую ставили в прямую взаимосвязь со способностью совершенствования всего общества. Кроме того, люди нуждались в литературе, чтение которой позволило бы им удалиться от бремени тяжёлых будней. По этим причинам робинзонады вызвали подлинный интерес читателей, которые воспринимали их как:

А) дидактические тексты.

В 1763 году в свет вышел воспитательный роман видного мыслителя и философа 18 века Ж.Ж.Руссо «Эмиль, или О воспитании». В данном произведении автор надеялся создать новые концепции воспитания детей: впервые ребёнок рассматривался не как формирующийся человек, а как сложное существо со своими данными от природы собственными способностями и своим отношением к миру. Согласно концепции Ж.Ж. Руссо дети имеют другое, отличное от взрослого человека, восприятие мира, которое должен учитывать любой воспитатель.

В этой книге философ описывает процесс воспитания вымышленного ребёнка, Эмиля. Воспитание – длительный процесс, который Ж.Ж. Руссо представляет как последовательность этапов, поскольку воспитание должно соответствовать каждому возрастному периоду и желаниям ребёнка: так учение ребёнка должен воспринимать как нечто приятное и полезное, и в данном случае неприемлемы методы, применяемые к учению взрослых людей. Автор пытается воспитать из Эмиля счастливого и разумного человека, человека который в состоянии применять свои знания и осознавать свою значимость для всего мира.

Как и его современники Ж.Ж. Руссо, думал над тем, как благодаря воспитанию можно достигнуть улучшения мира, обрести возможность, сгладить различия в обществе и вырастить новых, свободных людей. Не только он, но и большое количество мыслителей задавали себе подобные вопросы на протяжении многих лет. Изучив большое количество литературы в поисках ответа на поставленные вопросы, Ж.Ж. Руссо обращается к своим современникам: «пылкий философ, ...не трудись понапрасну, положение это найдено, оно написано и – не в обиду будь сказано – гораздо лучше, чем описал бы ты сам, по крайней мере, с большим правдоподобием и простотой. Если уж нам непременно нужны книги, то существует книга, которая содержит, по моему мнению, самый удачный трактат о естественном воспитании. Эта книга будет первой, которую прочтёт Эмиль; она одна будет долго составлять всю его библиотеку и навсегда займёт в ней своё

почётное место. Она будет текстом, для которого все наши беседы по естественным наукам будут служить лишь комментарием. При нашем движении вперёд она будет мерилom нашего суждения; и пока не испортится наш вкус, чтение этой книги всегда нам будет нравиться. Что же то за чудесная книга? Не Аристотель ли, не Плиний ли, не Бюффон ли? – Нет: это «Робинзон Крузо»» [[http: lib.rus.ec](http://lib.rus.ec)].

Данный роман, по мнению Ж.Ж. Руссо будет для детей одновременно и развлечением, и наставлением, «ребёнок, торопясь устроить склад вещей на своём острове, проявит больше страсти к учению, чем учитель к преподаванию. Он захочет знать всё, что полезно для этого, и притом – только полезно: вам не нужно будет руководить им, придётся лишь сдерживать его» [[http: lib.rus.ec](http://lib.rus.ec)].

Автор желает, чтобы Эмиль сам считал себя Робинзоном, чтобы задавался вопросом, какие принимать меры в случае недостатка того или иного предмета, чтобы замечал самостоятельно ошибки и промахи Робинзона, с целью избежать их самому в реальной жизни. При помощи книги Д. Дефо Ж.Ж. Руссо прививает Эмилю практические знания, воспитывает в нём любовь к ближнему, помогает ему возвыситься над предрассудками и сообразоваться в своих суждениях с истинными отношениями вещей» [[http: lib.rus.ec](http://lib.rus.ec)].

На философском уровне робинзоида служит доказательством мировоззрения Ж.Ж.Руссо, его веры в совершенство индивида: Робинзон живёт в естественных условиях, вне общества, в одиночестве, занимается только своим выживанием и использует все свои силы и разум для достижения этой цели. Он забывает о коррупции и легкомыслии европейского общества, чтобы сконцентрироваться только на существенном. У него нет больше высокомерия и ему не чуждо человеческое сострадание, что побуждает его спасти Пятницу от каннибалов. Сострадание - не единственная ценность робинзоида. Любовь к ближнему и толерантность играют особую роль. Если бы Робинзон не был один, он никогда не понял бы значение общества. Любовь к ближнему проявляется и в групповых робинзоидах: выжившие дорожат друг другом и осознают значимость каждого человека.

Воплощением педагогической мысли того времени явилась также педагогическая поэма И.Г. Кампе «Новый Робинзон». Данное произведение должно было стать одновременно не только книгой для чтения, но и иметь цель поучения.

В книге И.Г. Кампе, которая состоит из двух больших частей, дети – не пассивные слушатели: они задают вопросы или предлагают разумные решения Робинзону, оценивают или осуждают действия главного персонажа. Каждый эпизод предполагает возможность дискуссии о морали и науке или практических занятиях. Также структура текста – деление на вечера представляет собой новый вид педагогики: можно легко представить, что отец каждый вечер читает детям одну историю, называемую «вечер», и объясняет затем упомянутые темы.

В произведениях Д.Дефо и И.Г. Кампе Робинзон рассматривается как учитель и ученик. Читатели воспитываются на практическом уровне: они получают знания о природе, морали или орудии. В произведении И.Г. Кампе юный Робинзон представляет собой героя, которому дети хотят подражать. В предисловии романа Д.Дефо жизнь Робинзона Крузо характеризуется как замечательная и поучительная. Робинзон делает свои собственные выводы о воспитании из личного опыта на острове. Идея о важности такого опыта развивается в других робинзонадах: у И.Г. Шнабеля Альберт Юлиус и Конкордия изучают сельское хозяйство при помощи воспоминаний Дона Курило де Валеро, жившего до них на острове. У И.Г. Кампе юный Робинзон всё только познаёт, поскольку до этого не интересовался практической деятельностью. В таких случаях робинзонада является историей самоучения. Таким образом, Робинзон является одновременно учителем и учеником: он обучает читателя и себя самого через свой опыт на острове. У Д. Дефо Робинзон также является одновременно учителем и учеником, поскольку объясняя Пятнице Библию, он вынужден сам совершенствовать свои знания [Д.Дефо,1988:182]. В групповых робинзонадах роли учителя и ученика распределены между всеми робинзонами: матросы или инженеры обучают детей.

Ценность робинзонад заключается также и в том, что они передают не только практические знания, но и духовные ценности.

Это мы можем наблюдать в произведениях Д. Дефо и И.Г. Кампе: непослушный и неосторожный Робинзон, покинувший родительский дом без отцовского разрешения, интерпретирует кораблекрушение и пребывание на острове как наказание небес. Конкордия в романе «Остров Фельзенбург», заболевшая сразу же после первой ночи, принимает это тоже за наказание, поскольку она тайно вышла замуж без благословения родителей и сбежала со своим возлюбленным на остров [J.G.Schnabel, 1979:135]. Таким образом, в жизни людей, потерпевших кораблекрушение, религия играет важную роль: при помощи молитвы и чтения Библии, они просят Бога о прощении и находят в этом силу и мотивацию своих усилий. Возможность выжить после шторма и землетрясения, получить огонь, плоды воспринимается как Божья благодать. Выжившие одни на острове, совершенно беспомощны и могут рассчитывать только на помощь Всевышнего, поскольку другие люди не могут ничего сделать для них. Вера в Бога является способом, заниматься своими прошлыми ошибками или грехами и работать над своим улучшением. В конце робинзонады персонажи становятся благочестивыми верующими людьми, признают могущество и мудрость Бога, пребывание на острове интерпретируется уже как нечто позитивное, поскольку только так они могли прийти к вере.

Б) тексты, свидетельствующие о взаимосвязи улучшения отдельного человека с улучшением всего общества.

В эпоху модернизма (17-18 вв.) возник индивидуализм, что сегодня называют методологическим индивидуализмом. Индивид был поставлен в центр философского самоанализа и возникший в 16 веке протестантизм

повлиял на развитие индивидуализма, поскольку он ставил индивида в прямую взаимосвязь с Богом. Человек представлялся как ответственный за свои действия, которые имеют последствия для всего общества, т.е. индивид приобрёл новое значение. Согласно теории методологического индивидуализма, коллективные феномены стоило рассматривать как сумму индивидуальных факторов. Индивид рассматривался как целое, а не как часть группы или общества, которое определяет всю его жизнь: он автономен, разумен и способен улучшаться. Его разум должен вести к добру и свободе, а, согласно методологическому индивидуализму, только позитивные действия человека могут привести к улучшения всего мира.

В 1805 году Й.К.Л. Хакен объяснил успех робинзонад тем, что они представляют «историю человека и его прогрессирующей культуры в малом» [Haken J.C.L.,1805:2]. Он поясняет, что робинзоны как открыватели и жители необитаемых остров, у которых можно проследить их постепенный прогресс, ведущий к прогрессу всего общества, и представляют собой важнейшую часть робинзонад. Эта концепция чётко проявляется в произведениях всех робинзонад, и в истории самого жанра. В робинзонадах развивается постепенная обработка всё усложняющихся жизненных отношений: от сложного пребывания в одиночестве к обществу, от унылого существования к относительному благосостоянию, от охотника к ремесленнику или учёному. Такое развитие несёт в себе идеи общего прогресса, что соответствует оптимистической философии эпохи Просвещения и Позитивизма.

В) «спасительные» тексты».

В справочнике обучения немецкому языку под редакцией Гюнтера Ланге и др. авторы указывают на то, что популярность робинзонады как жанра тривиальной литературы объясняется способностью отвлечь, расслабить читателя, она успокаивает своим увлекательным сюжетом, обладает «игровым характером» и вовлекает читателя в гармоничный мнимый мир. Потому её называют «спасительной литературой», поскольку она не сталкивает читателя с общественными проблемами, которые окружают его в повседневной жизни, а даёт возможность предаться иллюзиям. Потребность в чтении данной литературы объясняется господствующими общественными отношениями, которые не дают человеку возможность развития и заставляют его чувствовать себя на рабочем месте чужаком [Lange G.,1998:766].

П. Нуссер объясняет популярность тривиальной литературы в выражении трёх стратегий:

1. «стратегии подтверждения», заключающейся в оперировании чёрно-белыми рисунками, устойчивым и предсказуемым развитием сюжета и упрощением действительности. К этой фазе П. Нуссер относит ситуативные данности, характеристики героев, конфликтные ситуации и т.д. Данная сознательно используемая авторами стратегия в начале текста необходима с одной стороны для завязки контакта с читателем, который обнаруживает сходство между своими личностными качествами и условиями жизни с

онными героев, с другой стороны, нацеленные на подтверждение текстовые признаки, одновременно служат фоном для сравнения, в котором отклонения от обычного сюжета становятся более заметными.

2. «стратегии смены чувств», заключающейся в возбуждении чувства страха и избавления от него. Представленные во второй фазе трёхступенчатого коммуникационного процесса отклонения от привычного создают особое очарование произведений. Отклонение от привычного выражается, как правило, в представлении опасностей, с которыми сталкивается герой. И читатель идентифицирует себя с героем. Данная стратегия нацелена на перемену эмоций, а именно страхов и волнений, приближающих читателя к страдающему герою.

3. «стратегии подтверждения человеческих ценностей и норм поведения», т.е. оптимальном совпадении текстовых посланий и мнений читателей. Эта стратегия придаёт читателю чувство уверенности, а через него успокоение и расслабление. Данная фаза характеризуется наличием счастливого конца, что является одним из основных признаков тривиальной литературы. [Nusser P.,1991:120].

Игровой характер данного трёхступенчатого процесса позволяет читателю переживать все чувства, эмоции главных героев, сострадать, сопереживать им, ставить себя на место главного героя.

П. Нуссер отмечает, что выражаемые данными стратегиями упрощения, однозначные мировые ценности потому и действенны, что идут в разрез со сложными, непрозрачными структурами действительности, которые не вызывают интерес у читателя. Герои тривиальных текстов и их противники, а также их постоянные конфликты позволяют читателю не только сбежать от «суровой действительности», но и воплотить в своих мечтаниях собственные, неосуществимые желания[Nusser P.,1991:136].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дефо Д. Робинзон Крузо.-Х.:Выща шк.Изд-во при ХГУ,1988
2. Haken J.C.L. Bibliothek der Robinsone.-Berlin,1805
3. Lange G.,Neumann K.,Ziesenis W. Taschenbuch des Deutschunterrichts. Grundfragen und Praxis der Sprach - und Literaturdidaktik. Bd.2-Baltmannsweiler,1998.
4. Nusser P. Trivialliteratur.-Stuttgart: Metzler,1991.
5. Schnabel J.G.Insel Felsenburg.-Stuttgart,1979
6. <http://lib.rus.ec>

Содержание

Л. Б. Белоглазова	3
Лингвокультурный универсум русской женщины Женские универсалии в патриархальной картине мира	
А.Д. Климентьева	13
Ассимилированные заимствованные фразеологические единицы мифологического характера на примере татарского языка	
Л.Н. Козлова	18
Словообразовательный аспект перевода разговорной лексики в произведениях Л. Улицкой	
Н.М. Колоколова	22
Модальные слова в маскулинных речевых актах обещания в институциональном дискурсе в английском, немецком и русском языках	
Е.А. Колядин	26
Некоторые экстралингвистические параметры Правовой коммуникации в раннеанглосаксонский период	
Н.М. Копысова	37
Языковое сознание англосаксов	
Н.Е. Кунина, И.А. Орлова	40
Английские фразеологические единицы в аспекте ценностной деятельности человека	
Е.О. Моргунова, С.М. Кручкович	43
Лингвистика текста и речевого дискурса	
Г.Г. Нурушева	51
Место фрилансера на рынке переводческих услуг	
В.Г. Семенова	53
Когнитивные категории, язык и культура	
Н. В. Сергиенко	59
Роль самостоятельной работы учащихся в формировании навыка аудирования (из опыта работы)	
Н.Г.Смирнова	63
Просодические характеристики звучащей речи в романе Р. Чандлера “Farewell my lovely”	
Е.Н.Торопова	67
Использование аутентичных текстов на занятиях по иностранному языку	
А.И. Токтоналиева	71
Актуальность робинзонады как литературного жанра	